

XX. Женщины и Социализм.

(Liberté. 1869. № № 110, 111 и 114)

I

Эпоха, в которой мы живём, будет, если она не погибнет преждевременно, самой великой которую когда-либо знало человечество. Две другие эпохи могут быть с ней сравниваемы, но обе они уступают во влиянии и силе тому, что в праве ожидать от нас будущее. Христианство и французская революция, совершившие столь много преобразований, никогда не предвидели того радикального обновления, которое составляет задачу нашего века.

Христиане не коснулись в своей деятельности политики, общественной экономики, гражданских и уголовных законов. Среди окружавшего их леса устаревших порядков, они заставили течь новый источник живой воды; христианское чувство, чисто индивидуальное, проникло всюду, породило множество красот и целое поколение чудесных цветов, но деревья в лесу остались теми же, как и прежде. Древнее государство осталось неприкосновенным в своём абсолютном варварстве; живая вода христианства даже освежила его иссохшие корни. Милостыня и благотворительность, присоединённые к могущественной эксплуатации всех немногими, позволили господину улыбаться своим жертвам и вместе с тем сохранять над ними нужную власть; труженики стали с покорностью переносить свою тяжёлую долю. Что касается гражданских и уголовных законов, то христианство признало их, как и всё остальное, оно только украсило священными атрибутами железный закон о подчинении женщин и детей, о древнем праве собственности о наказаниях за проступки и преступления однообразно жестоких и нелепых.

Современная идея отделения церкви от государства без сомнения имеет целью освободить общество от церкви. Вот почему даже и для консерваторов было бы лучше просто сказать: уничтожение христианства и всякой другой религии. Церковь, это обширная организация, стоящая столько миллионов и поглощающая столько сил, совершенно бессильна даже поддержать то, что существует.

Столкновения людей между собой развили в течении двух тысяч лет известную степень общности, которой могут быть объяснены все добродетели именуемые христианскими; они уже не исчезнут. Остальное и до христиан держалось своей собственной тяжестью и падёт с разрушением условий, поддерживающих его существование. Религия пригодится разве только для того, чтобы бросать цветы на развалины.

Французская революция была ближе к действительности и вследствие этого оставит более глубокие следы. Но сила её была ослаблена национальной средой, в которой удержала её европейская реакция, недостатком энергии французского народа, который после немногих лет позволил себе охладеть и потом два или три раза снова принимался за дело с таким же малым успехом, и наконец слишком исключительно политическими соображениями, которые над ней господствовали.

Французская революция слишком рано была поставлена в необходимость защищаться и побеждать хитростью и оружием, она принуждена была всё свести к вопросу о силе. Между тем, великие исследования XVIII века приготавливали несравненно более колоссальное преобразование общественной жизни и её организации. Философы во всех вопросах открыли новые горизонты и Европе понадобилось бы пятьдесят лет свободы и революционного увлечения, чтобы положить основание новой цивилизации.

Задачи, поставленные революцией, расширенные исследованиями и наукой целого столетия, составляют ещё сущность нашей эпохи; однако, мы можем отделиться от французской инициативы, и считать себя принадлежащими к новой эпохе, потому что теперь во всех цивилизованных странах земного шара распространены одинаковые идеи, прилагаются одинаковые усилия, причём всякая отдельная среда придаёт им свою особенную форму и каждая страна из множества отраслей общественной жизни, подлежащих преобразованию, выбирает некоторые, к которым она относится с особенной любовью.

Никогда целое человечество не работало так всесторонне для создания нового общества, и не одного только, а нескольких. Все они будут соприкасаться при помощи великих принципов, общих им всем; человеческий тип в красивой простоте его очертаний будет распространён повсеместно и при этом различия характеров не только не уничтожатся, но ещё более резко выразятся, и никакое мнимое единство не будет более навязываться людям в качестве идеала.

Преобразование, предпринятое со стольких точек за раз, не подвергнется более риску уклониться вследствие экзальтации[69] или отчаяния, которые принесли столько вреда христианству и революции.

Когда несколько личностей или один какой-нибудь народ воображают, что они носят в себе все судьбы мира, то рассудок их помрачён. В настоящее время самое полное спокойствие духа управляет разработкой общественных вопросов.

К числу задач, которые в силу присущей им простоты всюду поставлены, но решение которых, по-видимому, должно выразиться весьма разнообразно, принадлежит женский вопрос. Но что с первого взгляда не кажется проще, как рассуждать об отношениях, которые должны существовать между мужчиной и женщиной; можно думать, что тут не существует предмета для спора вне простой альтернативы: будет ли женщина подчинена или равноправна; весь вопрос, по-видимому, заключается в этом.

Но когда вместо того, чтобы оставаться в области чистых абстракций, дело дойдёт до фактов, то оказывается, что женский вопрос есть вообще вопрос о нравах. Вследствие условий общественной жизни женщин возникает такое бесконечное множество сложных и неуловимых отношений, что нет никакой возможности покончить с ними, решив несколько принципиальных вопросов. Если далее принять во внимание, что общественный порядок, при котором мы живём, потрясен и что некоторые из его главных столпов падут, то ещё важнее становится узнать, какое место займёт женщина при новом порядке вещей.

Вопрос этот до такой степени труден и сложен, что наша гордая эпоха, которая ко всему подходит с такой большой смелостью, почти отступает перед ним. И это не потому, что, по её мнению, здесь не предстоит никакого преобразования, она напротив того чувствует, что с каждым днём всё более и более является потребность в радикальном преобразовании.

Она долго думала, что семья – учреждение священное и всё разрешающее; но семья сохраняет свою чистоту только ценой такого огромного распространения проституции, что, взвесив всё это, значение его окажется весьма ничтожным. Она в течении долгого времени отдавала женщину в полное распоряжение мужчины, но зло употребления власти сделались всеобщим преступлением и достигли самой крайней степени. Ни один деспот, даже сам сумасшедший Калигула, не унижал с таким наслаждением и, ради удовлетворения прихоти, не пролил такое количество неповинной крови и не был причиной стольких слёз. Мужчины перед своими слабыми подругами более подлы и преступны, чем Нерон. Мужчины, быть может, не осмеливаются возбуждать публично этот вопрос, потому что краска стыда на их лице обнаружила бы то, что скрыто в глубине их души. Нужно, однако, чтобы истина обнаруживалась; вслед за некоторыми смелыми умами, мы приподнимаем угол завесы, которую христианство и революция сами набросили на этот вопрос, вместо того чтобы заняться его разрешением.

II

Великая социальная цель для мужчин, равно как и для женщин заключается в приобретении гарантий, обеспечивающих им человеческое достоинство и материальное благосостояние.

Люди давно поняли, что коллективные организации, спасая каждую отдельную личность от её собственного бессилия, одни способны осуществить эту двойную цель; они дают возможность более слабому пользоваться совокупностью социальных сил для защиты своих

интересов и прав. Сначала коллективность бывает сильно сконцентрирована и вооружена для войны; она парит над головами как молниеносная туча, всегда готовая поразить того, кто подвергнет опасности общественный договор; но по мере того, как люди учатся больше уважать друг друга и как связующие их узы крепнут, высшее покровительство, к защите которого они прибегали (Бог, Государство, Капитал), утрачивает постепенно своё значение; но коллективность не теряет от этого ни одного из своих прав. Сознвая свою взаимную солидарность, составляя по добровольному согласию часть социальной машины, где все вместе содействуют благу каждого отдельного лица, люди все больше и больше приобретают значение и цену вследствие отношений, которые подчиняют их всему окружающему.

Человек делается постепенно существом более относительным, то есть социальным и чем многочисленнее, его отношения к жизни, тем он совершеннее. Он проявляет себя со всевозможных сторон, он везде принимает участие, сила его растёт вследствие сношений с подобными ему людьми и всеобщей солидарности. Он гражданин, он работник, он философ и всё это благодаря обществу, часть которого он составляет. Она изобрёл политическую систему, федеральную республику, существующую целое столетие в Соединённых Штатах, где всякий в равной степени пользуется правом на человеческое достоинство, которое признано неприкосновенным догматом. Группируя производительные силы, он стремится к достижению экономического равновесия, в котором каждый человек нашёл бы себе материальные гарантии, и уже огромные массы людей готовы скоро заставить коллективную силу вселенной служить этой идеи; наконец, он называет и чувствует себя господином природы, которую он преобразовывает сообразно своим желаниям и потребностям. Тем, чем он есть, он обязан коллективной организации.

Женщина не принимает участия в этих коллективностях в качестве независимого и свободного члена, вот причина её подчинённого положения и обособления от нашего пола. Подобно тому, как в древности раб составлял собственность общества, которое кормил своим трудом, так в наше время женщина занимает подчинённое положение в нашем обществе, которое она зарождает и воспроизводит.

Только символически она допущена религией в человеческую общину. Вот почему она религиозна до фанатизма, но мистическое причастие, к которому открыт её доступ, только освящает все те общественные несправедливости, которые над ней тяготеют. Религия, обещая мнимое возмездие на небесах, ещё больше сковывает её на земле. Она содействует мужчине держать женщину в порабощении.

Женщину считают слабой, но если принять во внимание положение, в котором она живёт, то наоборот удивляешься её силе и влиянию. Политика, в которой мужчина в течении тысячелетий упражнял свою энергию и своё искусство, отвергает её; труд земледельческий, промышленный, торговый, в котором мужчина развивает свои силы, расширяет свои сношения, получает сознание своего достоинства, зарабатывая свой хлеб насущный, отстраняет женщину от более важных сфер деятельности, предоставляя ей самые низшие и мелочные отрасли, в которых даже инструменты работы не приноровлены к ней. Во всех сколько-нибудь важных отраслях промышленности мужчина сам по себе представляет инструменты работы; когда же женщина принимает участие в работе, ничего не бывает

устроено по её организации и росту; она безразлично берётся за ту или другую отрасль промышленности, уверенная в том, что может выдержать конкуренцию только благодаря своей большей способности переносить лишения – печальное преимущество – наконец, ей недоступно развитие высших способностей; она остаётся исключённой из области философии; этим именем мы называем изучение всех законов, управляющих людьми и вещами.

Но несмотря на порабощение, столько искусно придуманное, не имея в своём распоряжении ни одного из тех коллективных элементов, при помощи которых сложился мужчина, женщины, тем не менее поднялись до той степени, что они внушают не только любовь, но и уважение и что самые возвышенные добродетели доступны им одинаково с мужчинами.

Мужчина перед женщиной есть не более как социальное существо; неограниченный личный произвол почти исчез в наших отношениях и начинается царство справедливости. Но мужчина сохранил свой произвол относительно женщины. В этом случае он остался вполне несправедливым и тираничным. Как бы ни были различны условия жизни женщины, на самых верхних и низших ступенях общественной жизни все они одинаково имеют то общее, что находятся в зависимости от воли одного или нескольких мужчин. Женщины, не допущенные принять участие ни в одной из наших коллективностей, даже не пользуются их выгодами и косвенным образом. Следуя старому правилу политики, мы, столь сильно организованные, поселяем между ними самое крайнее разделение и сверх того не распространяем на них выгоду тех общих законов, которые даже для подданных определяют известные границы, в пределах которых свобода их неприкосновенна. Власть мужчины не пожаловала тут никакой хартии; **женщины только лично от каждого из нас получают гарантии, которыми всякое существо желает обеспечить своё существование и своё достоинство.**

Максимум этих гарантий заключается в легальном обещании мужчины обеспечить женщине своё покровительство на целую жизнь. **Она получает его только под обязательством повиновения.** Но как незначительно число её привилегий! Сколько браков составляет одну лишь формальность и не основывает настоящих семей! По крайней мере, для половины наших рабочих классов брак не существует. Земледелие занимает в Бельгии 353,000 женщин на 709,000 мужчин, промышленность – 339,000 женщин и девушек на 529,000 мужчин, что составляет в том и другом случае более половины. Что это значит, как не то, что для всего огромного количества этих женщин покровительство мужчины есть ложь. Получили они обещание со всеми его легальными и религиозными формальностями или нет, не всё ли это равно, если оно не исполняется? Что такое для них брак? Менее, чем конкубинат, простая ассоциация для складчины дневных заработков и для полового сожительства; для женщины не существует никакой гарантии, никакого покровительства, а мужчина пользуется властью, обеспеченной ему законом без всякого основания и права.

Но ни что не принуждает мужчину давать женщине даже и эту мнимую гарантию брака. Если в этом заключается максимум гарантий, приобретаемый ценой неограниченного никаким правом подчинения, от которого женщина освобождается только одним расторжением брака, то число женщин, не имеющих даже и минимума гарантий, огромно.

Брать их для удовлетворения прихоти и потом бросать, это нам позволительно; и с каждым днём тысячи несчастных увеличивают собой число проституток, для которых не существует другого средства зарабатывать себе существование, как только ценой унижительной ласки.

Между привилегированными, которым обеспечено действительное покровительство мужчины на целую жизнь и несчастными, которые попадают в бездонную пропасть проституции, образовалась третья категория женщин. К ней принадлежат те, которые личным трудом стремятся создать себе независимое положение. Цифры, нами приведённые показывают нам, как растёт этот класс. Тут находятся элементы, способные избавить её от произвола мужчин, но до сих пор ещё их не коснулась идея коллективности и не улучшила их бедственного положения. Вышедши замуж женщины эти подпадают опять под наше владычество, также как и их имущества; на свободе они лишены всех высших прав и не могут выйти из своего подчинённого положения, освящённого воспитанием и обычаями. Они остаются личностями слабыми и надломленными, которым приходится бороться против всех общественных сил, сосредоточенных в руках врагов.

Как же должен быть поставлен женский вопрос перед лицом социализма? Или каждый мужчина после осуществления политической и экономической реформы получит возможность обеспечить женщине действительное покровительство, – это будет царство семьи, упроченное и сделанное всеобщим. В этом случае окончательное решение участи женщин будет зависеть от нравственной реформы среди мужчин, которая совершится, как следствие экономической реформы. Так как возможно, что мужчины, окружённые гарантиями, стали бы продолжать делать из женщин орудия роскоши и удовольствия, то таким образом последние не были бы освобождены.

Если бы судьба женщин продолжала находиться в зависимости от нравственного и безнравственного господства мужчин, то было бы необходимо вмешательство законов, которые бы регулировали эти отношения и сделали бы из семьи действительность и всеобщую необходимость.

Или же женщины, приняв участие в социальных коллективностях, встанут с мужчинами на совершенно равных основаниях свободы и равенства и добудут себе таким образом гарантии. Тогда **они должны будут принять участие в социальной борьбе наравне с нами и их нравственное и физическое развитие должно будет удовлетворять такому положению.** В этом случае совокупность старых нравов и обычаев переменится.

В теперешнем положении женщин существуют элементы, способные осуществить ту или другую тенденцию. Позднее мы рассмотрим, которая из них была бы наилучшей с социалистической точки зрения.

Сделанная нами, классификация женщин не очень строго разграничивает их; но нам её вполне достаточно, чтобы избежать тех обычных разговоров о женщине, в которых её осыпают то восторженными похвалами, то порицаниями, смотря по темпераменту и склонностям самого оратора. Ни один вопрос не поставлен так мало на положительную почву, как женский вопрос. После вспышки романтизма, следы которого ещё и теперь ощущаются, считалось почти непростительным хладнокровно говорить о женщине.

Все мы и притом по очень похвальным побуждениям, склонны преклоняться перед семьёй, с её полновластным господином в лице мужа. Она защищается столь сильными авторитетами, как церковь, право, философия, которые почти единодушно формулировали назначение женщин; и если теперь кто-нибудь только повторит выработанные ими положения, то уже думает, что всё дело улажено. Пусть не думают, однако, что совершенно естественно, если эти основания настоящего существующего порядка, будучи все три продуктом мужского ума, так единодушно решили подчинить существо, над которым тяготеет высокомерие всех нас. Сами женщины, взятые все вместе, держатся относительно своей собственной подчинённости того же мнения, как и мы сами; они непременно требуют себе руководителя, подобно тому, как народу требуют правительств.

Даже те из них, которые стараются показаться наиболее эмансипированными, чаще всего замечательны лишь числом покровителей, которых они то и дело меняют, постоянно попадая из огня да в полымя, точно также как народы, по большей части, во все революционные периоды меняют лишь своих правителей. В конце концов случается, что и те и другие, начинают сожалеть о прочной власти, против которой сначала возмутились. В таких случаях реакция уничтожает даже чувство собственного достоинства; потому то и случается, что народ после возмущения легко подпадает под ещё большее рабство и что нет более покорных жён, чем те, которые сначала отличались лёгкостью нравов.

Даже наиболее упорные противники семьи, противопоставляющие ей новые системы, и те в большинстве случаев защищают лишь изнанку старого порядка и проповедуя общность жён, не понимают, что это только самая первая наиболее ужасная форма мужского самовластия. Тоже самое случается и с противниками собственности, которые делают коммунистами и не замечают, что они возвращаются к первоначальной грубой форме той же собственности. Как ни драпируйся коммунисты и сторонники свободной любви, романтическим и рыцарским идеализмом, – женщины без личной гарантии, предоставленные ненасытным страстям мужчин, погибнут бы в громадной и неисцелимой проституции, а проституция есть только антипод семьи, т.е. тот же принцип семьи только наизнанку; все нравственные силы человечества соединились бы, чтобы восстановить, по крайней мере, для немногих женщин древнюю и уважаемую власть с её преимуществами, но также и с прочной зависимостью.

Откуда происходит та близорукость, которая заставляет нас всех предоставить на выбор женщинам, составляющим половину рода человеческого, два положения: «быть или хозяйкой, или куртизанкой», тогда как деятельности мужчины открыты столь обширные и разнообразные пути; где причина той близорукости, которая мешает нам понять, что ограничиться только размножением породы – оскорбительно для нас самих.

Причина та, что мужчина вместо того, чтобы изучать женщину по её способностям, по её разнообразной деятельности, которая могла бы быть ещё шире, вместо того, чтобы проследить её историю; как он проследил свою, исследовать влияние различных причин и среды, в которую она поставлена, вместо того, чтобы посмотреть не изменится ли она под влиянием другой среды и других импульсов, вместо всего этого, он всегда ставит себя со своим авторитетом впереди женщины. «Помни, говорит он, какая разница между мной и тобой!» Как поступают при сравнении мужчины с женщиной? Качества и тех и других наскоро обобщают и подводя и мужчину, и женщину под один тип, заключают сравнения либо восхищением, либо презрением; оба представления, если можно так выразиться, кладут на весы и чья перетянет тому и вручают власть.

Точно такие же отношения всегда проявлялись и между народами и их правительствами. Где ни взгляни на массу управляемого народа и на управляющие им классы, везде у господ куча высших качеств, качеств, развитых самим господством, но которое с первого взгляда могут дать повод сказать, что действительно господа должны управлять, а народ повиноваться. Если же поближе посмотреть на этот народ, если взглянуть в его деятельность, в разнообразное приложение его способностей, хорошенько распределить его по роду занятий, то в результате вместо беспорядочной и неподвижной толпы, окажется сложный мир, могущий отлично организоваться, приобрести все высшие качества своих господ и обойтись без настоящих правительств.

Пусть кто-нибудь перечтёт афоризмы права, поучения веры, формулы философии, пусть сравнит их со словами романистов, миннезингеров[70] и поэтов, и он увидит, что везде дело идёт о *женщине*. Понятие о *женщине*, как и понятие о народе, есть не более, как абстракт. Есть промышленники, земледельцы, купцы, учёные, военные, правоведы, духовные, и, всякий раз, когда дело будет идти о том, чтобы организовать их и установить их взаимные реальные отношения, будет обращено внимание на их нужды, интересы, желания, на их занятия и способности. Человек, как абстракт, имеет только отрицательные права, каковы свобода и равенство, которые означают: абстрактно мы все имеем одинаковую цену, и никто не должен, ради своей личной пользы, притеснять других. Но, как только мы пожелаем употребить в дело нашу свободу, гарантировать наше равенство или заключать союзы, мы будем действовать, сообразуясь с нашими способностями, занятиями, нуждами.

То же самое и относительно женщин. Чтобы осудить женщин на единственное занятие – быть матерями семейств, нужно сперва доказать, что у них одна только способность и есть, способность рождать людей. Но если бы они обладали только одной этой способностью, власть мужчин над ними была бы бесполезна, потому что они по необходимости справляли бы своё дело так же правильно, как Земля вращается вокруг Солнца. Они исполняли бы то, что им предназначено без всякого вмешательства внешней власти. Если же вмешивается власть мужчин, то это доказывает прямо, что и у женщин существуют самые разнообразные способности, что они также совершенны, как и мы, но что мужчины хотят только свести все их способности на единственное отправление, сообразно предвзятому типу. Отсюда вытекает устройство семьи, которое везде одинаково, где бы человек не завёл её[71]. Но сила обстоятельств изменилась. Стремления мужчины везде одинаковы; к сожалению его личные силы слишком слабы для дела, предпринятого его гордостью. Он осудил женщину на одни только половые отправления, идеализированные и утончённые, смотря по степени

цивилизации; но экономическое и нравственное положение, созданное им для самого себя, было таково, что лишь необходимое число мужчин могло прочно прикрепить к себе одну или несколько жён и даровать им и их потомству сильное покровительство. Так как все женщины были приготовлены только к воспроизведению потомства, а мужчины только немногим из них могли дать случая отправлять это дело с достоинством, то следствием этого было то, что остальные должны были прибегнуть к проституции, как к единственному средству совершать половые отправления вне всяких гарантий. Таким образом назначение женщины, по Прудону[72], действительно состояло в том, чтобы быть или хозяйкой, или куртизанкой; но этот великий писатель, защитник способности женщин исключительно к деторождению, делая этими словами уступку самовластию, этому врагу и вместе учителю своему, не знал, что в них самая резкая и сильная критика на пагубное господство мужчин. Сколько сил потеряно человечеством, потому что женщины только в отдельных случаях были товарищами в радостях и трудах мужа, вообще же могли только восхищаться своим повелителем, но не действовать. Однако женщины частью уже освободились. Они основали монастырь и мастерскую; монастырь, который мы порицаем, мастерскую, против которой следует бороться, пока она остаётся в настоящем виде; тем не менее это протесты против осуждения на единственное отправление и эти зачатки общины доказывают, что женщины могут принимать деятельное участие в высоко развитых обществах.

- XXXI. Интернациональный союз социальных революционеров[73].

В 1864 в бытность свою в Италии Бакунин с несколькими итальянскими друзьями своими образовали союз, главным образом для противовеса республиканскому союзу, основанному незадолго перед этим Мадзини и имевшему направление богословское и цели исключительно политические. Это первое социалистическое общество в Италии приняло название Союза Социальной Демократии, которое впоследствии, когда немецкие государственные коммунисты придали термину «Социальная Демократия» компрометирующее доктринёрно-государственное значение, было переименовано на «Союз Социальных Революционеров». Возникнув как утверждение социализма против религиозно-политического догматизма Мадзини, Союз поставил в своей программе атеизм, совершенное отрицание всякого авторитета и власти, уничтожение юридического права, отрицание гражданственности, заменяющей в государстве свободную человечность, коллективную собственность; он объявил труд основанием общественной организации, которая в этой его программе указывалась в виде вольной федерации снизу вверх.

В Союз, сначала чисто итальянский, вступили вскоре французы и поляки и гораздо позже люди других стран. Первые года развития и деятельности его не относятся к нашему предмету. Скажем только, что на первый Конгресс (Женева, 1867 г.) Лиги Мира и Свободы Бакунин явился в качестве его члена, чтобы попытаться дать ей его программу, ибо в это время Лига ещё только что организовалась и не имела никакого определённого характера, и первый Конгресс имел именно целью выработать программу.

Идеи Союза Бакунин выразил в речи своей на Конгрессе[74]:

«Вступая на эту трибуну, говорил он, я спрашиваю себя, граждане, каким образом я, русский, являюсь среди этого международного собрания, имеющего задачей заключить союз между народами? Едва четыре года прошло с тех пор, как русская империя, который я, правда, всенепокорнейший подданный, возобновила свои преступления и убийства над геройской Польшей, которую она продолжает давить и терзать, но которую к счастью для всего человечества, для Европы, для всего славянского племени и для самих народов русских ей не удастся убить.

Вот почему, не заботясь о том, что подумают и скажут люди, судящие с точки зрения узкого и тщеславного патриотизма, я, русский, открыто и решительно протестовал и протестую против самого существования русской империи. Этой империи я желаю всех унижений, всех поражений в убеждении, что **её успехи, её слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и нерусских, её нынешних жертв и рабов**. Муравьёв[75], вешатель и пытатель не только польских, но и демократов русских, был извергом человечества, но вместе с тем самым верным, самым цельным представителем морали, целей, интересов, векового принципа русской империи, самым истинным патриотом, Сен-Жюстом[76], Робеспьером императорского государства, основанного на систематическом отрицании всякого человеческого права и всякой свободы.

В положении, созданном для империи последним польским восстанием, **ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому следу Муравьёва, или распаться. Средин нет, а желать цели и не желать средств значит только обнаруживать умственную и душевную трусость**. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно из двух: или идти путём и средствами Муравьёва к усилению могущества империи; или заодно с нами откровенно желать её разрушения. Кто желает её величия, должен поклоняться, подражать Муравьёву и подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. **Кто, напротив, любит свободу и желает её, должен понять, что осуществить её может только свободная федерация провинций и народов, т.е. уничтожение империи. Иначе свобода народов, провинций и общин – пустые слова. Право федерации и отделения, т.е. отступления от союза, есть абсолютное отрицание исторического права, которое мы должны отвергать, если в самом деле желаем освобождения народов**.

Я довожу до конца логику поставленных мной принципов. Признавая русскую армию основанием императорской власти, я открыто выражаю желание, чтобы она во всякой войне, которую предпримет империя, терпела одни поражения. Это требует интерес самой России, и наше желание совершенно патриотично, в истинном смысле слова, потому что всегда только неудачи царя несколько облегчали бремя императорского самовластия. Между империей и нами, патриотами, революционерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нет никакой солидарности.

Но довольно о наших частных делах. Займёмся общими принципами, служащими предметом настоящих прений и долженствующими привести к соглашению два великие интереса: интерес отечества и интерес свободы.

То, что, по моему мнению, справедливо относительно России, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религиозной бюрократической и военной централизации везде одинакова. Она цинично груба в России, прикрыта конституционной более или менее лживой личиной в цивилизованных странах запада, но принцип её всё один и тот же – насилие. Насилие внутри под предлогом общественного порядка; насилие внешнее под предлогом равновесия или даже за неимением лучшего повода – под предлогом Иерусалимских ключей[77]. В нынешней Европе реакция почти всюду торжествует; всюду она грозит последним остаткам несчастной свободы, которая, по-видимому, разучилась защищаться. Чем теперь заняты правительства! Они вооружаются друг против друга. Всюду затеваются чудовищные вооружения. Неужели мы идём к ужасным временам Валленштейна[78] и Тилли[79]? Горе, горе нациям, вожди которых вернутся победоносными с полей сражений! Лавры и ореолы превратятся в цепи и оковы для народов, которые вообразят себя победителями.

Мы все здесь друзья мира, и Конгресс наш собрался для рассуждения о нём. Но много ли найдётся среди нас до того наивных, чтобы считать себя в силах не допустить человечество до готовящейся страшной всемирной войны? Нет, никто из нас не повинен в таком самообольщении. Мы собрались не для того, чтобы браться за дело очевидно непосильное, а для того, чтобы изыскивать сообща условия, при которых международный мир возможен. Какие же принципы должны лечь в основу нашего дела?

Эти принципы, истинные начала справедливости и свободы, должны быть непременно провозглашены именно теперь, когда недостаток принципов деморализует умы, расслабляет характер и служит опорой всем реакциям и всем деспотизмам. Если мы в самом деле желаем мира между нациями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть, каждый из нас должен возвыситься над узким, мелким патриотизмом, для которого своя страна – центр мира, который своё величие полагает в том, чтобы быть страшным соседям. Мы должны поставить человеческую, всемирную справедливость выше всех национальных интересов. Мы должны раз и навсегда покинуть ложный принцип национальности, изобретённый в последнее время деспотами Франции, России и Пруссии для вернейшего подавления верховного принципа свободы. Национальность не принцип; это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая, имеет несомненное право быть сама собой, жить по своей особенной натуре. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы.

Всякий, искренно желающий мира и международной справедливости, должен раз и навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества, от всех эгоистических и тщеславных интересов патриотизма. Пора желать абсолютного царства свободы внутренней и внешней. Программа наших комитетов приглашает нас обсудить основания организации Соединённых Штатов Европы. Но возможна ли эта организация с ныне существующими государствами? Вообразите себе федерацию, где Франция стоит на ряду с великим герцогством Баденским, Россия на ряду с Молдаво-Валахией[80]. Вообще, вообразима ли федерация централизованных, бюрократических и военных государств, какие покрывают всю Европу, кроме Швейцарии?

Всякое централизованное государство, каким бы либеральным оно не заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататор народных рабочих масс в пользу привилегированного класса. Ему необходима армия, чтобы сдерживать эти массы, а существование этой вооружённой силы подталкивает его к войне. Отсюда я вывожу, что международный мир невозможен, пока не будет принят со всеми своими последствиями следующий принцип: всякая нация, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинция, всякая община имеет абсолютное право быть свободной, автономной, жить и управляться согласно своим интересам, своим частным потребностям, и в этом праве все общины, все нации до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этим самым опасности во всех остальных.

Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих насильственных единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться единства свободные, организованные снизу вверх, свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединённые штаты Европы».

Исход Женевского Конгресса известен. Женевцы, предводимые старым Джеймсом Фази, личностью более чем тёмной, придрались к словам Гарибальди против папства, чтобы посредством скандала избавиться от неприятности слушать в своём «Кальвинистском Риме» законопротивные речи. Конгресс, не успев выработать программу поручил составление её комитету, который должен был представить её в следующий годичный Конгресс на утверждение общества. Весь этот год (с сентября 1867 по сентябрь 1868) в комитете шла борьба между буржуазным либерализмом и радикализмом большинства и социально-революционными идеями меньшинства, к которому принадлежал и Бакунин в числе других, выбранных в комитет.

Наконец, по прошествии года, на втором (Бернском) Конгрессе Лиги борьба этих двух партий разыгралась и решилась окончательно. Глубокое различие в коренных принципах двух фракций тогдашней Лиги нашло себе полное выражение в вопросе об отношении Лиги к социальному вопросу. В то время, как социально-революционное меньшинство требовало признания этого вопроса со всеми его последствиями главным и единственно существенным и на основании этого вменяло Лиге в обязанность признать полное равенство, не только политическое, но и экономическое всех людей, либеральное большинство не намеревалось идти дальше покровительственного и филантропического отношения к так называемым «справедливым притязаниям» рабочих масс. Это большинство состояло из нескольких французских адвокатов императорской оппозиции в гамбеттовском роде, как расстрелянный коммуной за версальские интриги адвокат Шодэ, из радикальных доктринёров, свободных мыслителей, эмансипированных женщин, либеральных пасторов и тому подобных буржуазных либералов разных сортов и наконец, из всех немцев всевозможных партий и цветов, которые все оказались одинаково враждебны антигосударственным идеям Бакунина.

Чтобы показать в каком духе действовало меньшинство на Бернском Конгрессе, мы приведём часть речи, произнесённой одним из членов его, известным французским учёным, Элизе Реклю. Комитетом, т.е. буржуазным большинством его, под заметным влиянием меньшинства было предложено следующее постановление:

«Принимая в соображение, что мир и свобода не совместны с системой монархических и централизованных государств, какие существуют теперь; что только республиканско-федеральная система, основанная снизу вверх на индивидуальной независимости и гарантирующая *автономию общин и провинций*, одна обеспечивает самоуправление и прочее и прочее – Конгресс выражает желание, чтобы народы, имеющие средства осуществить организацию, представляющую естественное условие свободы и мира, образовали бы между собой федерацию, как первое ядро, к которому потом могли бы постепенно примыкать другие народы, по мере своего освобождения от связывающего их ига. Что касается конституции, определяющей отношения федерированных народов, – *Конгресс не может предложить лучшего образца, как федерация швейцарская и американская*».

Элизе Реклю потребовал слова, чтобы предложить две поправки в этой резолюции. Первая состояла в замене слов «автономия общин и провинций» словами «автономия производственных ассоциаций и составляемых ими групп». Вторая требовала прибавления слова «пока» к словам «Конгресс не может предложить лучшего образца». ... Развивая свою мысль, Элизе Реклю говорил между прочим:

«Посмотрите на нынешнюю Францию – идеал сильно централизованного государства. Она разделяется, во-первых, на пять военных округов; в каждом командует маршал, которому подчинены префекты, префектам супрефекты; всё это с одной стороны повинуетсЯ, с другой повелевает. Это ливень чиновников, раболепных пред высшими, надменных пред низшими. Затем следуют помощники, муниципальные советники, низшие агенты, наконец, народ, который только повинуетсЯ и платит.

Таким образом Франция разделена на 40,000 общин, сборищ людей, повинующихся и платящих; дробление бесконечно, и в числе этих общин есть такие, где жителей всего 40 или даже 37 человек; но и те имеют мэра, муниципальных советников, священника, который тоже правительственный чиновник, дьячка и церковного старосту; – всё это чиновники, всё это представители деспотизма, до полевого сторожа, который старается отыскать кого-нибудь, кем бы управлять.

А под ногами всех этих микроскопических императоров что? Гражданин, нынче угнетённый, которому завтра суждено освободиться. К нему то и надобно обратиться, чтобы основать социальную республику на её настоящих началах. Его дело, а не какого-то властителя какой-нибудь отдалённой столицы, устраиваться со своими братьями в какие ему угодно группы, потому что он сам себе император и папа[81].

Какую же новую форму дать обществу? **Ассоциацию**. Совпадут ли её группы с пределами нынешних общин или охватят их несколько за раз, или раздробят, так что в одном городе возникнет большее или меньшее число ассоциаций – во всяком случае только от воли граждан зависит образование этих новых, постоянно изменяющихся общин. По воле членов ассоциаций они образуются и преобразовываются; они переменяют место жительства то для того, чтобы строить новый квартал в городе, то для проведения нового пути сообщения, они даже эмигрируют, как некоторые русские общины; но все они основаны на труде.

В обществе организованном таким образом жизнь возможна будет только для работников, заметят мне. Да, лентяям, тунеядцам будет в нём не по себе. Но допуская, что они ещё будут существовать, их не будут убивать, как поступают пчёлы с трутнями; они будут существовать из милости, по терпимости, среди сострадания и презрения» ...

В тексте читатель найдёт речи, произнесённые Бакуниным на этом Конгрессе, из которых ещё лучше можно видеть идеи и направление социалистического меньшинства комитета.

Раз, что противоположные, буржуазно-сентиментальные идеи и направление, оказалось в Лиге в большинстве и раз, что вследствие этого Лига была обречена превратиться в то посмешище, которым она не замедлила сделаться, серьёзным и искренним революционерам в ней нечего было делать. Орудие было опробовано, оказалось негодным и должно было быть брошено, оставалось искать другое. Таковым само собой представлялось Международное Общество Рабочих, членом которого Бакунин состоял ещё с июня того же года. Он предложил социально-революционному меньшинству, вышедшему из Лиги, массой вступить в Интернационал, сохранив в то же время близкую связь и расширив свой Союз Социальных Революционеров в виде тайного общества. Предложение о вступлении в Интернационал было принято единодушно; но относительно Союза, французы и итальянцы желали, чтобы он, сохраняя свой внутренний дружеский характер тайного общества, явился бы в то же время гласно, как открытая организация, под названием Международного Союза Социальной Демократии. Они даже хотели, чтобы Союз организовался совершенно независимо от Международного Общества, довольствуясь тем, что члены его состояли бы отдельно членами этого Общества. Бакунин восстал против этого на том основании, что такая новая интернациональная организация явилась бы в некотором весьма нежелательном соперничестве с организацией рабочих. Эти прения кончились тем, что было решено учредить открытый Международный Союз Социальной Демократии и объявить его интегральным членом Интернационала, программа которого была признана обязательной для каждого члена Союза.

Кроме этой общей программы Союз выработал свою социальную, которую необходимо привести здесь. Вот она:

«1. Союз объявляет себя атеистическим; он хочет замены веры наукой и божеского правосудия человеческой справедливостью.

2. Он хочет прежде всего полного и окончательного уничтожения классов и уравнивания политического, экономического и социального личностей обоего пола[82], и с этой целью требует прежде всего уничтожения права наследства, чтобы отныне каждый пользовался пропорционально своему производству и чтобы, согласно решениям последнего рабочего конгресса в Брюсселе, земля, орудия труда и всякий вообще капитал обратились в коллективную собственность всего общества и состояли бы в пользовании исключительно работников, т.е. промышленных и земледельческих ассоциаций.
3. Он хочет равенства в условиях развития для всех детей обоего пола с первой минуты их рождения, т.е. равных условий их содержания, воспитания и образования на всех степенях науки, промышленности и искусства – в убеждении, что это равенство, сперва лишь экономическое и социальное, постепенно приведёт к наибольшему естественному уравниванию личностей, устранив искусственные неравенства, исторически вызванные ложной и несправедливой организацией общества.
4. Враг всякого деспотизма, не признавая иной политической формы, кроме республиканской и отвергая всякие реакционные союзы, он отвергает также всякое политическое действие, не имеющее, непосредственной и прямой целью торжество рабочего дела против капитала.
5. Он признаёт, что все нынешние государства, политические и авторитарные, должны уничтожиться во всемирной федерации земледельческих и промышленных ассоциаций.
6. Союз отвергает всякую политику, основанную на так называемом патриотизме и соперничестве наций, так как социальный вопрос может быть окончательно и действительно решён только на основании международной солидарности работников всех стран.
7. Союз хочет свободной всемирной ассоциации всех местных ассоциаций».

Центром для сношения между будущими секциями Союза была назначена Женева, где был учреждён комитет Союза под названием Центральное Бюро и в члены которого были избраны женевцы Перрон, Броссе, Гета и Дюваль, Бакунин, Ф. Беккер и Загорский.

Союз с самого начала встретил врагов. С одной стороны, немецкие делегаты немецкой социально-демократической партии, посланные на Бернский Конгресс Эйзенахским Конгрессом этой партии, сходились с представителями европейской радикальной буржуазии, составлявшей большинство Лиги, на стремлении к политическим реформам и потому отнеслись враждебно к Союзу, высказывавшему в своей программе отвращение к чисто политическим затеям. Они предпочли остаться в Лиге и с этого времени затаили глубокую ненависть к Бакунину и ко всему Союзу, ненависть, которая не замедлила выразиться клеветами немецких органов социал-демократов. С другой стороны, в Женеве была партия между работниками фабрики, порицавшая выход из Лиги членов Интернационала и оскорблённая в своём мелком честолюбии и своих политиканских вкусах решительным приговором, который Союз в своей программе произносил над политической агитацией буржуазного радикализма.

Но всё это не помешало Союзу начать свою деятельность блестящими успехами в деле социально-революционной пропаганды. Стараниями его членов были основаны многочисленные секции во Франции и особенно в Италии, где до тех пор интернациональная пропаганда была уничтожена. Ещё плодотворнее была деятельность Союза в Испании, где ещё не существовало ни одной секции Интернационала и где один только член Союза, Фанелли, депутат итальянского парламента, в своё путешествие, нарочно предпринятое с этой целью, основал многочисленные и деятельные секции в Мадриде, Барселоне и проч.

Союзу оставалось только соблюсти формальность своего зачисления в состав Международного Общества. По поручению своих сочленов, член Центрального Бюро, Иоганн Филипп Беккер, обратился с этой просьбой в Лондонский Генеральный Совет. На эту просьбу Совет отвечал неожиданным отказом на том основании, что Союз имеет организацию совершенно отличную и независимую от организации Интернационала, свои особые комитеты, своё главное бюро, и что поэтому присутствие в Интернационале такого независимого от него общества; действующего и в нём, и вне его, смотря по своей надобности, угрожало бы Интернационалу дезорганизацией.

Этот ответ произвёл различное впечатление на различных членов Союза. Большинство женецев и Беккер были оскорблены им и заявляли своё желание прервать сношения с Генеральным Советом. Но Бакунин и Перрон признали возражения Совета основательными и настояли, чтобы организация Союза была применена в этом смысле, т.е. чтобы его центральное и местные бюро были закрыты, а секции его признали бы себя просто непосредственными секциями Интернационала, сохранив только свою программу, так как она нисколько не противоречит программе Интернационала, а только расширяет её.

Это решение было принято и сообщено Лондонскому Совету с требованием совершить формальность зачисление в Интернационал секции Союза, так как теперь препятствия этому устранены. Совет отвечал согласием и только потребовал изменения той фразы в программе, редакция которой по своей небрежности могла допустить недоразумение (хотя надо было иметь много доброй воли, чтобы перетолковывать её таким образом), будто Союз, желая уравнивания т.е. уничтожения классов, тем не менее допускает или предполагает их сохранение.

Комитет Союза поспешил последовать этому справедливому замечанию, и редакция спорного места получила тот вид, в каком мы привели его в тексте. Что же касается до принципов, выраженных в программе, Совет в своём ответе весьма резонно говорит:

«В наши обязанности не входило подвергать критическому разбору программу Союза. Мы не будем разбирать, верно ли она выражает настоящий дух движения пролетариата. Мы должны были только рассмотреть, не содержится ли в ней чего-нибудь противного общему направлению нашей Ассоциации, т.е. полному освобождению рабочего класса. За исключением всего, что могло бы противоречить этому, принципы нашей Ассоциации требуют предоставлять всякой секции свободно формулировать свою теоретическую программу».

Таким образом, просуществовав около полугода, Союз прекратил своё существование в качестве особой организации, и его секции обратились в простые секции Интернационала. Из них женевская секция, составлявшая прежде Центральное Бюро, сохранила название Союза «Alliance» Социальных Демократов, но была отныне простой секцией Международного Общества Рабочих и была признана таковой Лондонским Генеральным Советом 18 июля 1868. Вместе с тем, как одна из 33 интернациональных секций, существовавших в Женеве, она должна была войти в состав Федерации романской Швейцарии. Но судьба Союза, как секции, начало существования которой почти совпадает с открытием Базельского Конгресса Интернационала принадлежит уже к следующей части истории Международного Общества. Факты же, которые мы здесь изложили, послужат читателю для оценки честности и правдолюбия тех интриг, которые избрали потом Союз предлогом для устранения из Интернационала революционного элемента.

ОТ РЕДАКЦИИ.

- XXXII. Речи Бакунина, на конгрессе Лиги мира и свободы в Берне.

Первая речь.

Милостивые государи!

Вы слышали проект редакции, принятой немецкой секцией, слышали также речь, произнесённую докладчиком этого проекта, г. Ладендорфом. Я со своей стороны, объявляю, что, если бы я мог надеяться, что все члены этого собрания одинаково воодушевлены теми чувствами, тем сильным и искренним желанием, которые были выражены г. Ладендорфом с таким красноречием, а главное, с такой искренностью, я бы не задумался принять предлагаемую им редакцию.

Но я не могу иметь этой уверенности; я знаю по опыту, что чаще всего те речи, мотивирующие или объясняющие известное предложение, забываются, между тем как редакция предложения остаётся, приобретает значение закона, в смысле совершенно противном смыслу речей, произнесённых в защиту его, и в конце концов отражается со всеми своими недостатками и двусмысленностями на тех, которые имели слабость принять его. Парламентская история Франции представляет на это немало примеров.

Итак, я буду возражать не на речь г. Ладендорфа относительно такого важного вопроса, но я взойшёл на эту трибуну для того, чтобы бороться против его редакции, только за то, что в ней пропущено *одно* слово, но слово драгоценное, милостивые государи; это слово – *равенство*.

Но этом основании я и мои друзья, протестуя самым решительным образом против редакции, предложенной г. Шодэ, которую, мы уверены, не примет ни один искренний социалист, отвергаем также и редакцию немецкой секции, и имеем честь предложить третью, формулированную следующим образом:

Считая вопрос о достижении экономического равенства классов и личностей самым насущным вопросом, Конгресс признаёт, что вне этого равенства, т.е. вне справедливости не осуществимы свобода и мир. Вследствие этого Конгресс решает заняться изучением практических средств, необходимых для разрешения этого вопроса.

Вы видите, милостивые государи, что мы не предлагаем вам постановить решение в пользу той или другой социалистической системы. Мы отлично знаем, что на этой трибуне не место рассуждать о преимуществах или недостатках различных теорий социальной организации. При той дурной подготовке и при том разъединении, которое в настоящее время существует между ними, мы бы не пришли ни к какому окончательному заключению и только потеряли бы время в бесплодных препирательствах, которые, без сомнения, не привели бы нас к единодушному заключению, а только содействовали бы нашему разъединению.

Поэтому мы теперь требуем только, чтобы вы признали торжественным решением, что преследуемая нами цель совершенно совпадает с той целью, которую ставят себе необходимым образом общества работников. Само собой разумеется, что в этом смысле мы все социалисты. Никто не согласился бы принять участие в этом Конгрессе, не будучи социалистом, потому что программа Конгресса, признающая необходимость радикального изменения настоящей экономической системы, несомненно социалистическая, и потому что каждый из нас, чтобы иметь право участвовать в Конгрессе, должен был подписать эту программу.

Теперь, когда констатировано наше общее социалистическое направление, так сказать обязательное, остаётся решить, что мы понимаем под словом социализм, какова та цель, тот конечный идеал, который ставят себе наши социалистические убеждения и идеи; одним словом, приходится решить, социалисты ли мы в смысле социализма работников или же в смысле буржуазного социализма.

Вот тот великий вопрос, который нам предстоит разрешить, милостивые государи, для того, чтобы выяснить своё положение и решить – кто мы: друзья ли и искренние союзники рабочих, или же их открытые или замаскированные враги.

Господин Шодэ, говоря с этой трибуны, употребил чрезвычайно странное выражение, сообщившее, по моему мнению, его социалистическому направлению крайне оригинальный оттенок. Говоря об учреждении мира, который он считает главной целью этого Конгресса, он задаёт себе вопрос – какими средствами наша *Лига Мира и Свободы* может осуществить свой принцип вопреки противодействию враждебных ему, ненавидящих и преследующих его элементов? и воскликнул: «нам нужна *армия мира*». Затем он признал, что эта армия, для того, чтобы быть могущественной, должна быть организована в среде работников. Вывод из этого ясен: итак, нужно сделать уступки работникам, купить их всемогущее содействие посредством этих уступок, которые, разумеется, будут определяться не

справедливостью, а степенью опасности положения, в которую в настоящее время поставлена буржуазия, благодаря честолюбию цезарей.

Следовательно, социализм в глазах г. Шодэ есть не что иное, как выгодная спекуляция; очень естественно, что г. Шодэ, раз исходя из этой точки зрения, пожелает купить содействие работников и организовать свою армию мира по возможно дешёвой цене и будет стараться по возможности ограничить те уступки, которые он принужден сделать работникам.

Милостивые государи, вы не должны смотреть на дело с этой точки зрения. Все мы, собравшись здесь, не изображаем из себя ни королей, ни правительства, ни даже представителей буржуазии. Для нас не существует и не должно существовать интересов, противоположных интересам работников. Мы собрались во имя справедливости и свободы, не для того, чтобы входить с работниками в сделку, обманывать и эксплуатировать их, а для того, чтобы провозгласить принципы единственно способные упрочить мир, свободу и благосостояние людей.

Работники в праве требовать от нас не уступок, а справедливости.

Работая для самих себя, мы хотим, мы обязаны работать для них и с ними.

Но для того, чтобы сделалось возможным такое единство в мыслях и действиях, необходимо, чтобы работники имели доверие к нашей работе, чтобы они не оттолкнули нас, как двуличных союзников, как лицемерных братьев; нам нужно доказать им, что мы хотим того, чего хотят они, и что между их целью и нашей не существует разницы.

Что же составляет их цель, милостивые государи, главную мысль, лежащую в основании всех их настоящих стремлений?

Равенство – и притом равенство не только политическое, но и *экономическое*, и *социальное*.

Позвольте мне объяснить эту мысль.

С тех пор как существует история, человеческий мир был разделён на два класса: с одной стороны большинство, обречённое на труд более или менее механический, тяжёлый, вынужденный, миллионы работников, вечно эксплуатируемых, проводящих свою жалкую жизнь в нужде, граничащей с голодом, в невежестве и рабстве и тем самым обречённых на вечное порабощение; с другой стороны меньшинство более или менее счастливое, образованное, утончённое, эксплуатирующее, властвующее, управляющее, поглощающее большую часть коллективного труда народных масс и представляющее собой всю цивилизацию.

Да, милостивые государи, эта цивилизация, которой вы так гордитесь, которой вы, люди запада, так любите хвастаться перед нами, варварами востока, – ваша пресловутая цивилизация, милостивые государи, всегда была основана и основана в настоящее время на исключительно мышечном и вынужденном труде огромного большинства, которое несмотря на всю вашу свободу, остаётся по-прежнему порабощённым, большинство обречённого на

животное существование, в пользу исключительной и узкой человечности меньшинства.

И это чудовищное неравенство жизненных условий, при вашей системе вовсе не принадлежит к числу вещей, которые должны и могут изгладиться со временем; нет, вследствие самого духа этой цивилизации он становится роковым и вечным; а знаете ли вы почему? Ваша цивилизация главным образом основывается на абсолютном отделении умственного труда от физического. Уже Аристотель сказал: чтобы иметь возможность свободно предаваться первому, нужно быть освобождённым от последнего; а отсюда вытекает необходимость существования рабов или, что приблизительно означает то же самое, наёмных пролетариев. При вашей системе необходим мышечный труд нескольких тысяч людей, низведённых до вьючного скота, для того, чтобы можно было доставить досуг нескольким свободным мыслителям.

Но это ещё не всё: ваша экономическая система упрочивает, делает неизбежным и стремится увековечить то же самое неравенство, так как считая человеческий труд за товар она основывается исключительно на дешевизне этого товара. При этой бесчеловечной, необузданной конкуренции, разумеется, тот, кто, по милости государства, владеет собственностью, неизбежно должен угнетать того, кто, не имеет ничего, принужден по возможно низкой цене продавать всю свою производительную способность, продавать также и самого себя со всеми детьми, чтобы иметь возможность существовать. Отсюда вытекает узкая, исключительная цивилизация, основанная на несправедливости и на владычестве меньшинства с одной стороны и на неизбежном варварстве и рабстве огромного большинства людей с другой.

Итак, весь вопрос состоит в том, чтобы решить, может ли продолжаться такое положение вещей, основанное на несправедливости и насилии, на угнетении и лжи. Ясно, что нет. Было время, когда рабочие массы, обманутые и усыпанные религиозными обещаниями, безропотно покорялись; или когда они, полные доверия и суеверного уважения к мудрости и добродетели привилегированных классов, служили могучим, но слепым орудием политики сначала аристократии, а впоследствии – буржуазии. Но суровый опыт показал им, что **политика всех этих классов привилегированных, в высшей степени выгодна для интересов этих классов, и именно потому, что она выгодна для них, всегда и неизбежно приносила огромный вред народным классам.** Результатом этого было то, что те миллионы работников, которые, соединяясь повсюду, составляют в настоящее время очевидно самую значительную силу Европы, сначала потеряла всякую веру в политику монархическую и церковную, а теперь точно также и в политику буржуазии.

Милостивые государи, для всякого, следящего за современными событиями, ясно, что в настоящее время работники Европы, соединяясь всё более и более, не обращая внимания на искусственные границы государства, в великую Международную Ассоциацию Рабочих, которая, едва успев возникнуть, уже представляет собой действительную силу, – ясно, говорю я, что работники Европы решились взять политику в свои руки, создать свою собственную политику, т.е. политику освобождённого труда от тяжкого и ненавистного ига капитала. Всякая иная политика отныне для них чужда, и, что ещё важнее, они считают с полным правом, враждебной и противоположной их интересам всякую политику, которая поставила бы себе другую цель, помимо радикального и полного экономического

освобождения работников.

Как они понимают это освобождение?

Милостивые государи, они хотят равенства, ничего кроме равенства, но равенства не только политического, но и экономического и социального. Они устали служить, **они также желают пользоваться**, пользоваться не плодами чужого труда, как делали это всегда и делают и в настоящее время привилегированные классы, а **всеми продуктами своего собственного труда, не будучи вынужденным жертвовать лучшей частью этих продуктов привилегии и государству**. Они устали служить пищей для государства, служить политической организации, приносящей им прямой вред составлять огромные пьедестал высокомерной и угнетающей цивилизации меньшинства. Они также хотят быть людьми – людьми по интеллигенции, по благосостоянию и по свободе.

Одним словом, они не хотят, чтобы мир по-прежнему был разделён на два класса, из которых один эксплуатирует и властвует, а другой всегда эксплуатируется и всегда поработён. Они не хотят той автономии классов, о которой рассуждает социализм господина Шодэ, автономии, которая необходимо предполагает постоянное существование экономического и социального неравенства между классами, постоянное существование системы эксплуатации. **Они хотят, чтобы отныне существовало одно только общество, основанное на справедливости и труде, доставляющее всем полное равенство при рождении, равенство содержания, воспитания и научного образования, одинаковые средства для труда, и налагающаяся не посредством законов, а по самой природе своей организации, обязанность, на каждого безразлично, работать, как головой, так и руками.**

Вот к чему стремятся, милостивые государи, в настоящее время европейские работники. В виду этого могучего и явного стремления, мы, Конгресс Лиги Мира и Свободы должны спросить себя – стремимся ли мы к тому же?

Хотим ли мы искренне, как они и вместе с ними *экономического и социального равенства*, или же того, что на языке буржуазного социализма называется улучшением участи столь интересного рабочего класса. И нет никакого сомнения, милостивые государи, что, если мы, к несчастью, ни что иное, как буржуазные социалисты, если мы неспособны в силу ли наших интересов, или в силу предубеждений, понять широко и чистосердечно принципа справедливости, выражающегося в настоящее время в этой борьбе труда против капитала, со всеми неизбежными его следствиями, теоретическими и практическими применениями; если мы, как недобросовестные торговцы, будем продавать работникам частицы этой справедливости, – они не захотят знать ни нашего товара, ни нас самих; они тысячу раз будут в праве оттолкнуть нас; мы не найдём солдат для нашей *армии мира*, и вся предпринятая нами работа погибнет по недостатку силы и поддержки.

Может быть нам скажут то, что уже говорили нам в частных разговорах: «вы коммунисты». Против этого обвинения я возражу за себя лично. Нет, милостивые государи, я не коммунист, я коллективист. Я убеждён, что для того, чтобы осуществилась справедливость и сделалось возможным социальное равенство при самом рождении всякого человека,

необходимо уничтожение права наследства. Таково, милостивые государи, моё личное убеждение. Но теперь дело идёт не о нём. Теперь мы должны определить и констатировать одинаковость наших целей. Хотите вы или нет, вместе с работниками, вместе с нами действительного равенства, т.е. политического равенства, основанного на равенстве экономическом и социальном.

Может быть, вы считаете возможным достигнуть осуществления этой цели при помощи средств, различных с теми, которые мы намерены предложить вам; если это так, то формулируйте вашу мысль, но признайте в то же время цель, для того чтобы работники могли иметь к вам доверие. Если же вы, напротив, не признаёте этой цели, то признайте за нами право объявить работникам, что вы, Конгресс Мира и Свободы, не хотите удовлетворить их нуждам и их законным требованиям.

Вторая речь

Милостивые государи!

Я не буду отвечать на все любезности, которыми я был осыпан с высоты этой трибуны; мне пришлось бы потратить слишком много времени, если бы я захотел отыскивать истину в этом хаосе беспорядочных идей и противоречивых мнений, которые мне были противопоставлены. Некоторые ораторы пользовались для опровержения моих мнений, аргументами, столь мало серьёзными, что я имел бы право усомниться в их искренности. – Я не сделаю этого, милостивые государи. Я во второй раз требовал слова только для того, чтобы восстановить смысл одного вопроса, который очевидно угодно было исказить.

Нам возражали так, как будто бы мы предлагали этому собранию принять определённую социалистическую систему, между тем, как я, напротив, ясно объявил с этой трибуны, что мы не хотим предлагать ему какой бы то ни было системы; что мы только требуем, чтобы оно торжественным голосованием признало своей целью экономическое и социальное равенство, оставляя покамест совершенно в стороне вопрос о путях и средствах. Весь вопрос, сказал я, состоит в том, чтобы решить, хотите ли вы этого равенства, да или нет.

Желая без сомнения избежать необходимости дать нам прямой и ясный ответ, который одним ударом разоблачил бы перед работниками те чувства, которые питают к его делу, мне отвечали на это красноречивой, и я позволю себе это выражение, буржуазно-страстной критикой моей предполагаемой, мнимой социалистической системы, которой я не имел даже чести излагать на этой трибуне и о которой не могло быть и речи.

Не думайте, милостивые государи, что я избегаю ясного изложения моих социалистических идей; я был бы очень рад возможности защищать их здесь; но я не думаю, чтобы на это

было достаточно тех пятнадцати минут, которыми я имею право располагать.

Впрочем, есть одно обвинение, направленное против меня, которое я не могу оставить без ответа.

На основании того, что я требую экономического и социального равенства классов и личностей, на основании того, что я вместе с Брюссельским Конгрессом работников объявил себя сторонником коллективной собственности, меня упрекают в коммунизме. – Какую разницу, говорили мне, видите вы между коммунизмом и коллективностью. Признаюсь, я удивляюсь, как г. Шодэ, исполнитель завещания Прудона, не понимает этой разницы. Я ненавижу коммунизм, потому что он есть отрицание свободы и потому что для меня непонятна человечность без свободы. Я не коммунист, потому что коммунизм сосредоточивает и поглощает все силы общества в пользу государства, потому что он неизбежно приводит к сосредоточению собственности в руках государства, между тем как я хочу уничтожения государства, – окончательного искоренения принципа авторитета и покровительства, присвоенного государством, которое под предлогом морализировать и цивилизовать людей до сих пор только порабощало, угнетало, эксплуатировало и развращало их. Я хочу организации общества и коллективной или общественной собственности снизу вверх, путём свободной ассоциации, а не сверху вниз, посредством какого бы то ни было авторитета. Желая уничтожения государства, я вместе с тем желаю и уничтожения личной наследственной собственности, которая есть ничто иное, как государственное учреждение, прямое следствие самого принципа государства. Вот в каком смысле, милостивые государи, я коллективист, а вовсе не коммунист. Я требовал и требую экономического и социального равенства классов и личностей. Сейчас я объясню, что я понимаю под этими словами.

Я хочу уничтожения классов, как в смысле экономическом и социальном, так и в смысле политическом. Я позволю себе заметить господам Шодэ и Фрибуру, которых сегодня, по-видимому, соединило общее чувство отвращения к этому злополучному равенству, что провозглашение этого равенства в 1793 году было одной из самых великих побед французской революции. Вопреки всем последовавшим за ней реакциям, этот принцип восторжествовал и утвердился в общественном мнении Европы. В странах наиболее прогрессивных он называется равенством политических прав; в других странах – гражданским равенством, равенством перед законом.

Ни одна страна Европы в настоящее время не осмелится открыто провозгласить политическое неравенство.

Но история самой революции и прошедших с тех пор семидесяти пяти лет доказывает нам, что политическое равенство без экономического – есть ложь. Не смешно ли провозглашать равенство прав, пока общество по-прежнему остаётся разделённым в силу своей экономической организации на слои, различные по своему социальному положению – это равенство будет чистой фикцией. Для того, чтобы оно могло осуществиться на самом деле, необходимо, чтобы **исчезли экономические причины** этого различия классов – **необходимо уничтожение права наследства**, этого постоянного источника всех социальных неравенств. **Необходимо, чтобы общество**, не будучи разделено на два

различных класса, **представляло однородное целое – организацию, созданную на началах свободы и справедливости**; чтобы в нём не оставалось и тени этого рокового разделения людей на два главных класса – на так называемый интеллигентный и рабочий, из которых первый служит представителем владычества и права повелевать, последний – представитель вечного подчинения. **Нужно, чтобы все люди были в одно и то же время и интеллигенты, и трудолюбивы, чтобы никто не мог более жить за счёт другого, и чтобы все были обязаны и имели возможность одинаково жить как умственным, так и мышечным трудом.** Тогда, милостивые государи, и единственное при этих условиях, политическое равенство и политическая свобода осуществится на самом деле.

Так вот, что мы подразумеваем под словами «равенство классов». Было бы вернее, может быть, сказать **уничтожение классов**, объявление общества **посредством уничтожения экономического и социального неравенства**. Но кроме того, мы требовали «равенства личностей», и это то главным образом вызвало против нас все молнии негодующего противоречия наших противников. Этой частью нашего предложения воспользовались для того, чтобы доказать самым неопровержимым образом, что мы ничто иное как коммунисты. Чтобы доказать нелепость нашей системы, прибегали к доводам столь же остроумным, как и новым. Одному оратору, без сомнения в пылу негодования, угодно было сравнить свою собственную талию с моей.

Позвольте мне, милостивые государи, более серьёзным образом изложить перед вами этот вопрос. Вряд ли нужно говорить вам, что дело идёт не о естественной, физиологической и этнографической разнице, существующей между людьми, а о разнице социальной, которая есть ни что иное, как результат экономической организации общества. Доставьте всем детям, начиная с их рождения, одинаковые средства существования, воспитания и образования; создайте для всех людей, воспитанных таким образом одинаковую общественную среду, одинаковые средства собственным трудом зарабатывать своё существование, и вы увидите, что многие из этих различий, считающихся в настоящее время естественными различиями, исчезнут, потому что они ничто иное, как результат неравномерного распределения условия умственного и физического развития – условий жизни.

Человек, милостивые государи, как и всё, что живёт и дышит в этом мире, не есть создание своей собственной воли, хорошей или дурной, потому что эта самая воля, точно также, как всё его нравственное существо суть ничто иное как продукты, результат совместного влияния многочисленных естественных и социальных причин. Исправьте природу влиянием общества, создайте насколько возможно равные для всех условия развития и труда, и вы тем самым уничтожите много глупостей и зол. **Когда все будут получать приблизительно одинаковое воспитание и образование, когда все будут обязаны в силу существующих условий соединиться, чтобы работать, а работать, чтобы жить; когда труд, будучи признан за истинную основу всякой социальной организации, сделается предметом общественного уважения, количество недобросовестных людей, паразитов и глупцов быстро уменьшится и под конец они будут считаться больными людьми, к которым будут относиться, как к больным.** Это говорю не я один, г. Шодэ; то же самое сказал ваш учитель, Прудон.

Наконец, милостивые государи, я ещё раз повторяю, что наша настоящая задача состоит не в рассуждениях о самой сущности социального вопроса; нам нужно только решить: желаем ли мы равенства, да или нет? Вот всё, что я хотел вам сказать.

Третья речь.

Я очень рад, что мой соотечественник, г. Вырубов, имел случай объяснить на этой трибуне некоторые выражения, которые угодно было истолковать в смысле нарушения свободы совести. Не мы, милостивые государи, не мы, систематически отрицающие всякий авторитет и всякую опекающую власть, требующие уничтожения самого принципа авторитета государства, не мы, говорю я, станем признавать какую бы то ни было политическую и социальную организацию, которая бы не была основана на самой полной свободе всех.

Нам так дорога эта свобода, что мы во имя её с большим вниманием и уважением выслушивали выражаемые и развиваемые здесь мнения, диаметрально противоположные нашим мнениям. Так, например, один оратор провозглашал с этой трибуны, что христианство есть единственная основа всякой нравственности.

Мы выслушали это; так позвольте же и нам свободно заявить на той же трибуне наше глубокое убеждение, что не только христианство, но **религия вообще, всякая религия несовместима с человеческой нравственностью.**

Не по легкомысленной прихоти, не под влиянием своенравного и суетного чувства, намерены мы бороться здесь против религии; мы делаем это во имя нравственности и справедливости, во имя самой человечности, торжество которой на земле будет невозможным до тех пор, пока земля эта будет посещаемая, терроризирована, управляема религиозными призраками.

Не нами выдумана та справедливая идея, что религия по самой сущности своей абсолютно противна всякой нравственности всякому человеческому достоинству и человеческой справедливости. Эта идея задолго до нас была провозглашена великими мыслителями прошедшего столетия; что я говорю, уже гораздо раньше этой эпохи она воодушевляла самые благородные души героев и мучеников Возрождения, людей, как Джордано Бруно, Ванини[83], как Сервет[84], сожжённый Кальвином в Женеве и много других, пробуждённых среди мрака христианства светом, проникшим из древней Греции, и желавших основать на развалинах божественной лжи и деспотизма религию истины и человечности ...

Ещё сегодня утром я видел на стене в передней объявление приглашающее членов Конгресса подписаться на одно сочинение, направленное против пап. Эпиграфом этого сочинения служат следующие слова Ульриха фон Гуттена: «если человечество хочет

сделаться свободным и счастливым, нужно, чтобы оно прежде всего разорвало цепи римской тирании и освободилось от тяжёлого ига развратного монашества и не менее развратного клира».

А кто, милостивые государи, был этот великий Ульрих фон Гуттен, этот герой Реформации? Был ли это религиозный человек, освободившийся от цепей католичества с тем, чтобы подчиниться благочестивой тирании Кальвина, Маланхтона[85] или Лютера? Нет, это был гуманист, атеист, друг и ученик атеистов Флоренции; там он выработал свои убеждения и впервые познакомился с великими учениями гуманистической науки.

Все эти великие герои свободной мысли, эти знаменитые освободители человечества, которых вечно преследовали, томили в тюрьмах, истязали, жгли или убивали рукой палача, пали, наконец, под влиянием жёсткой тирании цезарей и пап, церкви и государства. Но дело их не пропало. Оно продолжилось, правда, медленно, более робко и боязливо, но продвигалось тем не менее непрерывно к своей цели, благодаря плодотворной и настойчивой деятельности гуманистов XVI-го века, самым выдающимся представителем которых без сомнения был учёный и даровитый Эразм Роттердамский.

В XVII веке это течение мысли, начавшееся со времени Возрождения, было усилено новым могучим потоком возникновения натурализма; *Галилей, Кеплер, Ньютон, Гассенди*[86] и великий отец современного позитивизма – *Бэкон*, поставившие науку на реальные основы, тем самым одни сознательно, другие бессознательно, нанесли стремительный удар всем метафизическим доктринам, а, следовательно, и религии. Из слияния этих двух потоков возникла великая французская философия последнего столетия.

Да, этот великий XVIII век, которому все мы обязаны своим развитием и который теперь ещё поражает нас громадностью своих идей, был по преимуществу веком гуманизма и атеизма. Он утвердил права человека и отвергнул Бога. Он понял, что **для того, чтобы освободиться человеку, чтобы разорвать все его цепи, чтобы доставить ему счастье, достоинство и свободу, – нужно было уничтожить главное зло, т.е. разрушить все эти религиозные призраки, все эти метафизические и богословские абстракции, которые, с тех пор как существует история, служили всем тиранам удобным предлогом и средством для развращения, порабощения и эксплуатации человечества.**

Философы XVIII века были счастливее, чем мыслители Возрождения. Время созрело, и их светлая, красноречивая и страстная пропаганда породила Революцию.

Нужно ли мне говорить здесь о причинах, помешавших этой великой революции осуществить всё то, чем она задалась? Это повело бы меня слишком далеко, милостивые государи. Я только напому вам, что сентиментально-террористическая, т.е. религиозная доктрина Жан-Жака Руссо, резким диссонансом прозвучавшая среди прекрасной гуманистической гармонии XVIII века, будучи поддержана с другой стороны непоследовательным, легкомысленным и буржуазным деизмом Вольтера, думавшего, что религия положительно необходима для *сволочи*, – что эта доктрина завещала революции культ отвлечённого божества и отвлечённый культ государства. Эти два культа,

олицетворённые в мрачной фигуре Робеспьера, этого Кальвина революции – убили революцию.

Затем последовала диктатура первой империи со своим утилитарным договором – утилитарным, разумеется, в смысле деспотизма; далее – время реставрации со своей романтической гнилью, представителями которой служат люди подобные Шатобриану, Ламартину, Шлегелю; наконец – спекулятивная философия немцев, ставшая во Франции, под именем эклектизма, государственным учреждением.

Вот, милостивые государи, причины того глубокого падения, от которого мы до сих пор тщетно стараемся оправиться.

Если мы действительно желаем выйти из этого положения, мы должны открыто и смело поднять знамя Возрождения и Революции, знамя человеческого бунта против божественного ига.

Будем же логичны и искренни, и провозгласим, немедленно, что существование бога не совместимо с счастьем, достоинством, умственным развитием, нравственностью и свободой людей. И в самом деле, если признать существование бога, то мой ум, как бы он ни был развит, моя воля, как бы она ни была сильна, ничтожны в сравнении с волей и умом, свойственным богу. То, что я считаю истинной, в его глазах ложь; перед ним моя воля бессильна, моя свобода – возмущение против его авторитета; если он существует, я должен обратиться в ничтожество, а если он соизволит ниспослать мне пророков, провозглашающих его божественные истины, которые всегда останутся для меня непонятными, священников, обязанных руководить моей совестью, неспособных познать благо, помазанных его рукой королей, которые бы управляли мной, палачей, которые бы исправляли меня, – я обязан им рабски повиноваться. Итак, **кто хочет бога, тот хочет рабства людей**. Бог и унижение человека или же свобода человека и уничтожение божественного призрака, – вот дилемма, нет середины; выбирайте.

С этой столь справедливой идеей, откровенное произнесение которой тем не менее кажется ужасным; идеей, доказывающей, что существование бога несовместимо с человеческим разумом, с человеческой свободой, с индивидуальной и социальной нравственностью людей, я знаю, согласны многие из членов этого Конгресса, голосующих, вследствие других причин, вместе с противным нам большинством. Так, например, один из членов крайней правой, г. Руссель высказал, что развитие положительных наук неизбежно повлечёт за собой последовательное разрушение всех религиозных догматов, и предложил образование, как самое лучшее средство для достижения умственного и нравственного, политического и социального освобождения народных масс.

И мы, милостивые государи, глубоко убеждены в необходимости широкого народного образования. Мы также думаем, что вся наука во всей своей широте должна сделаться доступной для народа. Но для того, чтобы народ мог образоваться, ему нужны досуг и средства, необходимые для учения. Нужно, чтобы он имел возможность кормить и содержать своих детей в продолжение того времени, которое потребуется на их учение. Уже это одно, милостивые государи, доказывает необходимость радикального

преобразования настоящей экономической организации общества.

Но это не всё. Сторонники мирной революции путём одного образования, все эти общества свободных мыслителей, старающихся в настоящее время разрушить силу религиозного суеверия единственно пропагандой конгрессов, ассоциаций, журналов и книг, жестоко ошибаются, надеясь, при помощи одних этих средств, достигнуть своей цели. Религия есть не только заблуждение ума; она, кроме того и главным образом, страстный и постоянный протест полноты человеческого существа, бесконечного богатства человеческого сердца против узкости и бедственности действительной жизни. Не находя в этом мире ничего, кроме глупости, несправедливости и бедствия, человек, силой своего воображения, создаёт себе воображаемый мир, в который он переносит все свои стремления, свои надежды и свой идеал; всё это он с земли перенёс на небо. Таким образом была создана религия и она будет всемогуща до тех пор, пока на земле будут существовать безрассудство и несправедливость. Так водворим же справедливость; возвратим земле то, что принадлежит земле, благосостояние и братство! Разрушим торжество зла во всех его видах, со всеми несправедливыми учреждениями. Водворим братство, т.е. равенство прав каждого при всеобщей солидарности, свободу на основаниях равенства, и религия сама собой потеряет всякое значение ...

Итак, для того чтобы разрешить религию, чтобы рассеять и заставить исчезнуть все эти божественные призраки, делающие нас рабами, грубыми и несчастными, недостаточно одной интеллектуальной пропаганды. Необходима **социальная революция**.

Четвёртая речь.[87]

Граждане!

Я счастлив, что могу в вашем присутствии принять руку, так откровенно протянутую нам одним из представителей польской социальной демократии. Я принимаю её от имени русской социальной демократии; и мы имеем право её принять, потому что и мы, со страстью не уступающей по силе страсти польской демократии, желаем полного разрушения, совершенного уничтожения русской империи, империи, которая служит вечной угрозой для свободы мира, постыдной тюрьмой для всех народов ей покорённых систематическим и насильственным отрицанием всего, что называется правом, справедливостью, человечностью.

Год тому назад, на Женевском Конгрессе, я имел уже случай громко заявить, что между нами – партией народного освобождения – и между приверженцами этой чудовищной империи невозможно никакое соглашение. Наши цели диаметрально противоположны, они взаимно исключают друг друга. Кто желает сохранения империи, увеличения и развития её

могущества, как внешнего, так и внутреннего, тот должен с царём и с Муравьёвым идти против нас. **Кто, напротив, желает свободы, благосостояния, умственного освобождения и нравственного достоинства народа, тот должен вместе с нами содействовать разрушению империи.**

В Европе обыкновенно смешивают империю, состоящую из великой и малой России, и всех покорённых земель, с самим народом, ошибочно воображая, что она есть верное выражение инстинктов, стремлений и воли народа, между тем как **она, напротив, всегда играла роль эксплуататора, мучителя и векового палача народа.**

Надо заметить, что совершенно неверно говорится о русском народе, как об едином целом, потому что русский народ не составляет однородной массы, а состоит из нескольких родственных, но всё же различных племён. Племена эти следующие: во-первых, народ великорусский, славянский по происхождению, с примесью финского элемента, составляющий однородную массу 35-ти миллионного населения; это главная часть империи. На ней главным образом основалось могущество московский князей.

Но очень ошибётся тот, кто предположит, что этот народ добровольно и свободно сделался рабским орудием царского деспотизма. Вначале, до вторжения татар, и даже после, до начала XVII столетия, это был конечно тоже несчастный народ, мучимый своими правителями и привилегированными эксплуататорами земли, но пользовавшийся однакож естественной свободой и полным общинным и даже часто областным самоуправлением.

Вся северо-восточная часть империи, населённая преимущественно этим великорусским народом, разделялась, как известно, даже во время татарского ига, на несколько удельных княжеств, более или менее независимых друг от друга; и это разделение, эта взаимная независимость ограждали до известной степени свободу всех, – свободу, конечно, дикую, но действительную. Основания первобытной и не вполне сложившейся организации были чисто демократические. Князья, часто прогоняемые и почти всегда странствующие из одного княжества в другое, пользовались только ограниченной властью. Дворянство, составлявшее княжеский двор, кочевало вместе с князьями; следовательно, оседлых собственников было очень мало. Народ тоже кочевал и потому земля в действительности не принадлежала никому, т.е. она принадлежала всем – народу. Вот где кроется начало идеи, вкоренившейся в умах всех русских племён империи – идеи, пережившей все политические революции и оставшейся более могущественной, чем когда-либо в народном сознании – идеи, носящей в себе все социальные революции прошедшие и будущие, и состоящей в убеждении, **что земля, вся земля принадлежит только одному народу**, т.е. всей действительно трудящейся массе, обрабатывающей её своими руками.

Цари, вначале великие князья московские, были долгое время только управляющими татар в России, управляющими униженно рабскими, страшно корыстными и неутомимо жестокими; и как подобает управляющим, они обделывали свои собственные дела гораздо больше, чем дела своих господ; благодаря покровительству татар, они постепенно увеличивали свои владения, в ущерб соседним княжествам. Таково было начало московского могущества. Целые два столетия великие князья московские, московские бояре и московская церковь образовывались в политической школе, принципы которой выражаются словами – рабство,

низкое подобоострастие, гнусная измена, жестокое насилие, отрицание всякого права и всякой справедливости и полное презрение к человечеству. Когда, благодаря этой политике, благодаря особенно несогласию татар между собой, эти управляющие, до сих пор рабски покорные, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы избавиться от своих господ, они их прогнали.

Но татарщина вместе со своими скверными качествами рабства, успела глубоко вкорениться в официальном и официозном мире Москвы.

Подобное политическое начало достаточно объясняет дальнейшее развитие российской империи. Но судьба готовила нам ещё другой великий источник развращения.

В половине XV века Константинополь пал и наследие умирающей византийской империи разделилось на две части. На запад бежавшие Греки принесли с собой бессмертные традиции древней Греции, которые дали толчок живому движению Возрождения. А нам она завещала вместе со своей княжной, своими патриархами и чиновниками всю испорченность византийской церкви и ужасный азиатский деспотизм в политической, социальной и религиозной жизни.

Вообразите себе дикого князя, татарина с головы до ног, грубого, буйного, жестокого, трусливого в случае нужды, лишённого всякого образования, не только презиравшего всякое право, но совершенно не имеющего понятия о праве и человеколюбии; из первоначального рабского положения он вдруг возносится, в своём воображении, по меньшей мере, на высоту византийского императора и воображает себя призванным быть богом на земле, владыкой всего мира. А возле него церковь, не менее грубая, не менее невежественная, но властолюбивая и развращённая, из своего рабского положения в Византии она переносится в несравненно более рабское положение в Москве, честолюбивая и в то же время алчная и раболепная, является всегда послушным орудием всякого деспотизма, вечно пресмыкаясь перед царём, она, наконец, так тесно смешала в своих молитвах его имя с именем бога, что удивлённые верующие в конце концов не знают, кто бог и кто царь. Рядом с этой церковью и этим царём вообразите себе дворянство, не менее жестокое и варварское, составленное из самых разнородных элементов: из потомков русских князей, лишённых своих уделов, из татарских князей, из литовских дворян, укрывшихся в Москве, из новых и старых бояр титулованных дворцовых лакеев, чиновников и сыщиков дикой, московской администрации; и все они образуют вокруг трона, что-то вроде наследственной бюрократии, официальную касту, совершенно отделённую от народа; эта каста сама до бесконечности дробится по родам и чинам, разъединяется честолюбием, жадностью, соревнованием в лакействе, но составляет единодушное целое в одном общем рабстве, в невероятном самоуничтожении перед истинным богом империи – царём. Одинаково безличные, одинаково уничтоженные перед ним, все они, с каким-то рабским сладострастием называют сами себя его рабами, холопами, людишками, Мишками, Петьками, безропотно сносят от него всякое унижение, позволяют себя оскорблять, бить, истязать, убивать, признают его безусловным господином своего имущества, своей жизни, детей и жён своих, и в замене такого полного самоуничтожения они просят только одного – земли, как можно больше земли для эксплуатации, права грабить казну без стыда и немилосердно мучить народ.

Итак, народ, вот истинная, вековая жертва московской империи.

Наша история представляет противоположность истории запада. Там короли соединялись вначале с народом, чтобы подавить аристократию, а у нас рабство народа было результатом корыстного союза царя, дворянства и высшего духовенства. Следствием всего этого было то, что народ великорусский, свободный до конца XVI века, вдруг оказался прикреплённым к земле, и сначала фактически, а потом и юридически сделался рабом господина – собственника земли, дарованной ему государством.

Терпеливо ли он выносил это рабство? Нет. Он протестовал тремя страшными восстаниями. Первое восстание произошло в самом начале XVII века, в эпоху Лжедмитрия. Совершенно неверно объяснять это восстание династическими вопросами или интригами Польши. Имя Дмитрия было только предлогом, а польские войска, приведённые польским магнатом, были так малочисленны, что не стоит говорить о них. Это было истинное восстание народных масс против тирании московского государства, бояр и церкви. Могущество Москвы было разбито и освобожденные русские провинции послали туда своих депутатов, которые хотя и выбрали нового царя, но принудили его принять известные условия, ограничивавшие его власть; он поклялся сохранять эти условия, но впоследствии, конечно, нарушил эту клятву. Главными основаниями этой хартии были – уничтожение московской бюрократии и автономия общин и областей, следовательно совершенное уничтожение гегемонии и всемогущества Москвы.

Но хартия была нарушена. Царь Алексей, наследник народного избранника с помощью дворянства и церкви восстановил деспотическую власть и рабство народа. Тогда-то поднялось народное восстание, носившее на себе тройной характер: революционный, политический и социальный – восстание Стеньки Разина, первого и самого страшного революционера в России. Он поколебал могущество Москвы, в самом её основании. Но он был побеждён. Недисциплинированные народные массы не могли вынести напора военной силы, уже организованной офицерами, вызванными из Европы, особенно из Германии. И эта новая победа государства над народом, послужила основанием новой империи Петра великого. Пётр понял, что для основания могущественной империи, способной бороться против рождавшейся централизации западной Европы уже недостаточно татарского кнута и византийского богословия. К ним нужно было прибавить ещё то, что называлось в его время цивилизацией запада – т.е. бюрократическую науку. И вот из татарских элементов, полученных в наследие от отцов и с помощью этой немецкой науки, он основал ту чудовищную бюрократию, которая и до сих пор давит и угнетает нас. На вершине этой пирамиды стоит царь, самый бесполезный и самый вредный из всех чиновников; под ним дворянство, попы и привилегированные мещане, все имеющие значение только постольку поскольку они служат и грабят государство, а внизу, как пьедестал пирамиды – народ, задавленный податями и мучимый немилосердно.

Покорился ли народ своему рабству? Примирился ли он с империей? Нисколько. В 1771 году, среди торжества Екатерины II над турками, и над несчастной и благородной Польшей, которую она задушила и разорвала на части, не одна, впрочем, так как ей помогали в этом два знаменитых представителя западной цивилизации: Фридрих великий, король прусский, друг философов и сам философ, и набожная Мария Терезия, императрица австрийская; итак

среди торжества Екатерины II, в то время как весь мир удивлялся возраставшему могуществу и удивительному счастью императрицы всероссийской, Пугачёв, простой, донской казак, поднял всю восточную Россию. Действительно вся страна между Волгой и Уралом восстала; миллионы крестьян, вооружённых топорами, пиками, ружьями и всяким оружием, поднялись; и для чего? чтобы избить повсюду дворян и чиновников, чтобы **захватить всю землю в свои руки и образовать на ней свободные сельские общины, основанные на коллективной собственности.** Екатерина сначала отнеслась с презрением к этому восстанию, но за тем испугалась не на шутку.

Многочисленные полки, посланные против бунтовщиков под предводительством старых генералов, были разбиты. Вся народная Россия, Россия крестьянская, пробуждённая, воспламенённая доброй вестью, взволновалась. Народ ждал Пугачёва в Москве. Если бы он пришёл, русская империя погибла бы безвозвратно. Императрица послала против Пугачёва огромную армию и народ ещё раз был побеждён.

Что же покорился ли он после этого? Нет. Со времени казни Пугачёва и до наших дней внутренняя, более или менее секретная история империи состоит из последовательного и непрерывного ряда частных и местных восстаний крестьян – восстаний, вызываемых глубокой и непримиримой ненавистью их к помещикам, ко всем чиновникам и к государственной церкви. Вы видите, господа, я был прав, говоря, что между великорусским народом и империей, его давящей, нет ничего общего. Первый есть отрицание последней; примирение между ними невозможно, потому что интересы их несовместимы: интересы народа заключаются в свободном пользовании землёй, в самостоятельности сельских общин, в благосостоянии, вытекающем из свободного труда и исключаящим, следовательно, помещичью собственность, опеку, т.е. бюрократический грабёж, набор, налоги – всё, что составляет самую суть государства. Как же может народ любить государство и желать сохранения его могущества?

Но возразят, разве народ не обожает царя? На это я скажу, что обожание царя есть только результат громадного недоразумения. За несколько лет до великой французской революции, английский путешественник, Артур Юнг, видя восторг, с которым встречало Людовика XVI сельское и городское население Франции, сказал, что «народ, который так обожает своего короля никогда не может быть свободен». Через несколько лет совершилась революция, и никто не помешал столичным революционерам возвратить бежавшую царскую фамилию под стражей из Варена в Париж. Знаете ли, что означает это воображаемое обожание русского царя народом? **Это – проявление ненависти к дворянству, к официальной церкви, ко всем государственным чиновникам, т.е. ко всему, что составляет самую суть императорского могущества, самую существенную сторону империи. Царь для народа, подобно богу, только отвлечённость, во имя которой он протестует против жестокой и подлой действительности.**

Таково положение великорусского народа. Теперь судите сами, справедливо ли приписывать ему преступления и завоевания, совершаемые империей. Но, скажут, разве он не снабжал солдатами? Да, конечно, как французский народ снабжал армии Наполеона I для завоевания мира, как он снабжал ими Наполеона III для покорения Мексики и Рима, как в настоящее время ещё большая часть Германии prepares своих солдат, чтобы сделать

из них пассивное орудие в руках графа Бисмарка. Есть ли на самом деле в характере великорусского народа эти воинственные, завоевательные элементы, вот в чём вопрос. На это я могу смело ответить, что славянские народы вообще, великорусский в особенности, наименее воинственный, наименее завоевательный народ в мире. Единственная вещь, которую он страстно желает – это свободное и коллективное пользование землёй, которую он обрабатывает. Всё остальное ему чуждо и вызывает в нём страх.

Впрочем, просмотрите всю историю этого народа и скажите, шёл ли он когда-нибудь по доброй воле на запад? Туда ходили русские армии, собранные и дисциплинированные кнутом для удовлетворения честолюбия царей, – русский же народ никогда. Причина этого весьма проста. Народ этот по преимуществу земледельческий и требует земли, свободной земли. А на западе земля не свободна, напротив, через-чур густо заселена, на востоке же она беспредельна, не обработана и плодородна, – вот почему пока русский народ был свободен в своих движениях, пока Пётр Великий не прикрепил его окончательно к земле, он всегда направлял свой путь на восток, поворачивая спину западу до тех пор, пока это движение не прекратилось насильственно империей.

Вот, господа, сущность истории великорусского народа. Но кроме него есть ещё малороссы, более чистые славяне, с меньшей примесью финского элемента; они образуют в империи 12 миллионов населения, а если прибавить к ним галицийских русинов, то – целые 15 миллионов однородного племени, говорящего одним языком, имеющего одинаковые права и великие исторические воспоминания. После вторжения татар народ этот, к несчастью, был поставлен между московским деспотизмом с одной стороны, и жестоким притеснением иезуитствующей и аристократической польской шляхтой с другой.

Восставши против этой последней, в половине XVII века, часть Украины из ненависти к Польше совершила великую ошибку: она приняла покровительство русского царя. Цари обещали ей всё: и сохранение её вольностей, и национальную автономию. Но так как обещание всех государей, будут ли они цари, простые герцоги, короли или императоры, походят друг на друга всегда и везде, то русские цари наградили, конечно, Малороссию самым грубым деспотизмом, таким же, какой существовал в великой России с жестокой помещичьей эксплуатацией и не менее жестоким притеснением бюрократии. В XVIII веке, когда Франция готовилась к революции, Екатерина II, филантропствующая императрица, восхваляемая философами, ввела крепостное право, до того времени не существовавшее в Польше. А в настоящее время это панславистское национальное правительство систематически и жестоко преследует малороссийский язык в Малороссии, как польский в Польше. Пусть будет это предостережение австрийским и турецким славянам, которые ищут своё спасение в Москве.

Этот народ, вместе с 4 миллионами белорусов, по всей вероятности составит отдельную, независимую нацию миллионов в 20 жителей, которая может, конечно, вступить в союз с Польшей или Великороссией, но должна остаться совершенно независимой от гегемонии той и другой.

Но, скажут, разве положение этих народов не улучшилось значительно со времени пресловутого освобождения крестьян, которым так гордится ныне царствующий император?

Не верьте этому освобождению, оно только на словах; народ перестал ему верить окончательно. Я считаю необходимым сказать о нём несколько слов, чтобы рассеять заблуждения запада на этот счёт. Я начну с замечания, что напрасно приписывают честь этой попытки или этого ложного освобождения великодушию императора Александра II. Её единственной причиной была крымская катастрофа. Эта война, к счастью, столь несчастная для нас, нанесла тяжёлый удар самому существованию империи. Здание, воздвигнутое Петром Великим, Екатериной II и Николаем I, вдруг пошатнулось, внезапно открыло всю свою преждевременную гнилость и действительную негодность. После крымской войны для всех стало очевидно, что старый порядок вещей не может более продолжаться и что, если государство не будет преобразовано, то народная революция вспыхнет неминуемо. Старый порядок основан был на крепостном праве – следовательно, надо освободить народ. Таково было в то время единодушное убеждение всей России; такова была страстная надежда, великое ожидание народных масс. Чтобы доказать вам справедливость моих слов, я приведу свидетельство одной важной особы, авторитет которой в этом случае не может быть подвергнут сомнению. Эта особа сам император Александр II. Не помню, было ли это в 1859 или в 1860, он произнёс публично в полном собрании московских дворян следующие замечательные слова: «Господа, мы должны поторопиться освободить крестьян, ибо лучше для всех нас, чтобы эта революция произошла сверху, а не снизу». Смысл этих слов черезчур прост и ясен; неправда ли? Если бы народу не дали подобия свободы, он сам бы её взял; но взял бы уже свободу полную, действительную, безусловную, взял бы её посредством революции, т.е. уничтожения дворянства и империи.

Государство находилось тогда в крайне трудном и щекотливом положении; с одной стороны оно должно было освободить народ, с другой, очень хорошо понимало, что не может этого сделать действительно, потому что всё его существование, все условия его бытия враждебны действительному освобождению народа. Следовательно, надо было обмануть их кажущимся освобождением, дать им, в интересах сохранения государства, такую свободу, которая в сущности не была бы свободой, и не разорила бы помещиков, заставив крестьян заплатить вдвое, втрое дороже за землю, которая и без того принадлежала им по праву их собственного тяжёлого труда и труда всех их предков. Это и было сделано. Несмотря на эту свободу, о которой так много кричали в Европе, русский народ до сих пор прикреплён к земле, и русский крестьянин, сделавшийся собственником своей земли, вместе с тем окончательно разорён и почти умирает с голоду.

Для того, чтобы собрать оброки и покрыть недоимки, которые он не в состоянии платить, продают орудия его труда и даже его скот; у него нет более семян для посева, нет возможности обрабатывать землю. Вот то счастье, которым наградил его великодушный Александр II.

Не понимая подобной свободы, он восстал. Его били, расстреливали и ссылали. Во многих губерниях он и теперь ещё нередко просит правительство взять землю назад, которая при настоящих условиях его разоряет, – его же бьют палками, сажают в тюрьмы, расстреливают. Таково настоящее положение народа, и теперь он начинает понимать, что царь – божественная отвлечённость – и есть действительная и главнейшая причина всех его бедствий. От этого сознания до кровавой революции очень далеко.

Но кто сумеет организовать и направить эту революцию? **Молодёжь**. Говоря вам о революционной русской молодёжи, я не могу не упомянуть о случае, бывшем между нами и которым хотели воспользоваться против меня. Я говорю о новом манифесте русской социальной демократии, который многие из вас читали. Им воспользовались третьего дня, как неоспоримым аргументом, чтобы склонить вас отвергнуть принцип экономического и социального уравнивания классов и лиц, который мной и моими друзьями был вам предложен в надежде, что вы захотите дать рабочим массам серьёзное и действительное доказательство искренности ваших демократических и народных чувств. Вам сказали: «видите, чего хотят эти нарушители общественного порядка. Они хотят уничтожения религии, собственности, семьи и государства – этих вечных основ цивилизации»; эти господа должны бы были прибавить «и вечной несправедливости». Эти основы и эти причины существующего порядка вещей так прекрасны и так справедливы, что вы сами в своей программе заявляете о необходимости «радикального» их преобразования. Я не имею только отклонить от себя честь издания этого манифеста, причём громко заявляю, что я от всего сердца признаю все изложенные в нём принципы. В доказательство, что я действительно не участвовал в составлении этого документа я приведу только один факт. В 1862 та же самая программа, с небольшими изменениями и конечно иначе изложенная была напечатана тайно в России под названием «Манифеста Молодой России».

Скажут, как говорили и тогда, что «этот манифест есть только необдуманное и преувеличенное выражение чувств очень небольшого числа молодых ветреников». Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодых и пожилых людей, разбросанных по России и сочувствующих этим принципам, людей, которых чувства, стремления, инстинкты или, если так можно выразиться, симпатии вполне выражаются изложенными в манифесте принципами. Я думаю, что я скорее уменьшу, чем преувеличу, если скажу, что число таких людей простирается от 40 или даже 50 тысяч человек. Ведь это целая армия! И армия осмысленная и энергичная. Кто составляет её? Молодые люди, вышедшие из корпусов, гимназий и университетов, дети мещан или разорившегося мелкого дворянства. Юноши, почти лишённые средств к существованию, но тратящие последний свой грош на приобретение книг и образование; в особенности дети сельского духовенства, большинство которых погибает в адских трущобах наших семинарий, но, из числа которых очень многие, притом самые умные и сильные, вырываются оттуда полные энергии и ненависти ко всему существующему строю. Наконец, много крестьянских и мещанских детей – юношей, полных жизни, из которых многие делаются замечательными людьми, если счастливый случай даст им возможность образоваться. Вот, господа, наша революционная фаланга, которую государство преследует немилосердно, сотнями ссылает в Сибирь, сажает в тюрьмы, умышленно убивает и истязает всеми способами, и несмотря ни на что, оказывается бессильным против них, так как они через-чур многочисленны, разбросаны по всему пространству империи, а главное, через-чур незаметны и потому легко избегают надзора.

Но что могут сделать разбросанные 40 или 50 тысяч человек против организованной силы государства? **Они могут тоже организоваться**; они уже организовываются, а посредством организации сделаются в свою очередь силой, и силой тем более грозной, что **она будет черпать свою силу не в себе самой, а в народе**.

Они сделаются безустанными и деятельными посредниками между нуждами, инстинктами, неодолимой, но ещё не осознанной силой народа и революционной идеей.

С таким народом, социалистом по инстинкту и революционером по природе, и с такой молодёжью, стремящейся по принципам и, что ещё важнее, по самому своему положению, к уничтожению существующего порядка вещей, – революция в России несомненна. Что же будет её первым, её необходимым делом? Разрушение империи, потому что пока существует империя, ничего хорошего и живого не может осуществиться в России. Это, господа, убеждение русской революционной молодёжи и моё также. **Мы патриоты народа, а не государства. Мы хотим счастья, достоинства, свободы нашего народа, всех народов русских и нерусских, заключённых ныне в империи. Поэтому то мы и желаем разрушения империи.** Ясно это?

Позвольте мне, господа, прибавить к этой длинной речи, ещё одно замечание. Год тому назад, один демократический журнал, издаваемый в Лейпциге, обращаясь ко всей демократической русской эмиграции и называя, между прочим и моё имя, задал нам такой вопрос: Вы называете себя демократами, социалистами, заклятыми врагами нашего правительства; скажите же нам, каковы ваши чувства и мысли относительно честолюбивых стремлений вашей империи? Ненавидите ли вы, подобно нам, порабощение Польши, Кавказа, Финляндии, Балтийских провинций, ваши недавние завоевания в Бухарии и воинственные планы против Турции?

На этот вопрос, впрочем, совершенно естественно, я не счёл нужным отвечать тогда: теперь я отвечу на него. После всего сказанного ответ будет лёгок. Впрочем, для всех добросовестных людей он вытекает сам собой из моей прошлогодней речи, сказанной на Женевском Конгрессе. Если мы желаем полного и совершенного уничтожения империи, мы можем только ненавидеть её властолюбие, а следовательно, и все её победы на севере, как и на юге, на востоке, как и на западе, и я думаю, что **самым большим счастьем для русского народа, было бы поражение императорских войск, каким-нибудь внутренним или внешним врагом.** Вот моё мнение относительно общего принципа.

Теперь, вдаваясь в подробности и начиная с севера я скажу: Я желаю, чтобы Финляндия была свободна и имела полную возможность организоваться, как желает и соединиться, с кем захочет. Я говорю то же самое, совершенно искренно и относительно Балтийских провинций. Я прибавлю только маленькое замечание, которое мне кажется необходимым, потому что многие из немецких патриотов, республиканцев и социалистов имеют, по-видимому, две мерки, когда дело доходит до международной справедливости – одну для них самих, а другую для всех остальных наций, так что нередко то, что им кажется германской империей, принимает, в их же глазах, вид отвратительного насилия, если совершается другой какой-нибудь державой.

Предположить, например, что германская страна будет завоёвана иностранным государством, например, Францией; тринадцать четырнадцатых население этой страны, следовательно, большинство обитателей, будет считаться чистыми немцами и только одна четырнадцатая, горсть завоевателей и властителей – класс привилегированного дворянства

и буржуазии – оказывается после этого состоящим из французов. Я прошу немцев, задавших нам вопрос, ответит в свою очередь, откровенно, положив руку на сердце: будет ли эта страна, по их мнению, французская или немецкая? Я отвечу за них, – конечно, она считается немецкой в их глазах. Во-первых, потому что огромное большинство населения осталось немецким, затем, потому что это большинство состоит из массы подавленной, эксплуатируемой, производительной – словом, из рабочего народа, а будущность, также как и симпатии их – я не сомневаюсь в этом ни минуты, – на стороне рабочего люда. Таково же положение Балтийских провинций. Откройте Кольба, великого статистика, которым так гордится Германия, и вы увидите, что во всех прибалтийских провинциях, включая туда же петербургскую губернию, всего только двести тысяч немцев, на население в два миллиона восемьсот тысяч человек[88], как раз одна четырнадцатая часть.

Посмотри теперь из каких элементов состоит это незначительное немецкое меньшинство. Его составляют, во-первых, благородные потомки ливонских рыцарей, которые с папским благословением и под предлогом религии, а в сущности, чтобы присвоить чужое достояние, крестили огнём и мечом эту несчастную страну. Чем стала она теперь? Высокомерными владыками народа, которого они продолжают эксплуатировать, и рабски преданными слугами петербургского императора. Если наши немецкие друзья хотят взять их, если они думают, что королевские дворцы в Берлине недостаточно наполнены юнкерами Померании, пусть они берут их. Затем, их управляющие протестантского исповедания – самые неподвижные, непреклонные и правоверные из всех протестантов; они покорные слуги помещиков, для пользы которых всеми силами стараются задушить умственные способности несчастных латышских и финских[89] крестьян. Желают ли наши друзья, принимая их в виде подарка, увеличить число своих собственных эксплуататоров народного невежества? – Наконец, остаётся буржуазия, которая несколько не лучше и не хуже мелкой, средней и крупной буржуазии немецких городов, зарабатывающей своим трудом средства к жизни, или эксплуатирующей, когда можно, чужой труд; она верный слуга российского императора, но будет тем же самым и для всякого другого господина, который захотел бы её подчинить своей власти. Она иногда может резонерствовать, но никогда не возмутится против своих господ, ибо её призвание – резонерствовать и всегда повиноваться. Всё остальное население – два миллиона шестьсот тысяч – состоит из латышей и финнов, т.е. из элементов совершенно чуждых немецкой народности, даже более чем чуждых, враждебных – ибо нет именно более ненавистного для этого народа как имя «немец». Это весьма естественно: разве раб может любить своего господина и мучителя? Я слышал однажды сам, как латышский крестьянин говорил: «Мы ждём минуты, когда можно будет вымостить черепами немцев большую дорогу, ведущую в Ригу». Вот, господа, страна, которую германские газеты представляют нам немецкой. Русская ли она поэтому? Нет, несколько. Сделанная сначала немецкой, а затем русской, по праву завоевания, т.е. в силу жестокой несправедливости и нарушения всех прав естественных и человеческих, она по природе своей, по инстинктам и желаниям своих обитателей, ни русская, ни немецкая; она финская и латышская страна. Что произойдёт с ней в будущем, с какой национальной группой захочет она соединиться? – трудно предвидеть. Верно одно, и это не осмелится отрицать ни один искренний и серьёзный демократ, будет ли он русский или немец всё равно, верно неоспоримое право этого народа располагать своей судьбой, независимо от 200,000 немцев, которые притесняли его и теперь притесняют, и которых он ненавидит, независимо от всякого германского союза и от российской империи.

Теперь перейдём к Польше. Вопрос, мне кажется, одинаково прост, если хотят разрешить его только с точки зрения справедливости и свободы: все народности, все страны, которые захотят принадлежать к новой польской федерации, будут польские, все те, которые не захотят этого, не будут польскими. Русинское население Беларуси, Литвы и Галиции соединится с кем захочет, и никто не в состоянии теперь определить его будущую судьбу. Мне кажется, всего вероятнее и желательнее, чтобы они образовали вначале с Малороссией отдельную национальную федерацию, независимую от Великороссии и Польши.

Наконец, останется ли сама Великороссия со своим 35 миллионным населением тоже политически централизованной, как и теперь?

Это не желательно и невероятно. **Централизованное 35 миллионное население никогда не может быть свободным внутри и мирным, и справедливым вне своих пределов.**

Великороссия, как все другие славянские земли, следуя великому потоку века, который требует непрямого разрушения всех великих или малых политических централизаций, всех учреждений, организаций, чисто политических, и образований новых социальных групп, основанных на коллективном труде и стремящихся к всемирной ассоциации, – Великороссия, которая, как все другие страны, которых коснулась демократическая и социальная революция, разрушится сначала, как политическое государство и свободно **реорганизуется вновь снизу вверх, от окружности к центру, смотря по своим потребностям, инстинктам, стремлениям и интересам, как личным, так коллективным и местным – на единственном основании, следовательно, на котором возможно утвердиться – истинной справедливости и действительной свободе.**

Наконец, чтобы резюмировать всё сказанное, я ещё раз повторяю: да, **мы хотим совершенного разрушения российской империи, полного уничтожения её могущества и её существования. Мы хотим этого столько же во имя человеческой справедливости, как и во имя патриотизма.**

Теперь, когда я достаточно ясно высказался, настолько ясно, что никакое, что никакое двусмыслие или сомнение более невозможно, да позволю себе задать один вопрос нашим немецким друзьям, предложившим нам вышеприведённые вопросы. Согласны ли они, во имя любви к справедливости и свободе, отказаться от польских провинций, каково бы то ни было их географическое положение, их стратегическая и торговая польза для Германии – желают ли они отказаться от всех польских земель, население которых не хочет быть немецким? Согласны ли они отказаться от своего так называемого исторического права на часть Богемии, которую до сих пор не удалось германизировать, несмотря на прекрасные всем известные исторические, иезуитские и жестоко деспотические средства, – на земли, обитаемые моравами, силезцами и чехами, где ненависть, увы, совершенно справедливая, к немецкому владычеству, не может подлежать сомнению? Согласны ли они отречься, во имя справедливости и свободы от честолюбивой политики Пруссии, которая, во имя коммерческих и морских интересов Германии, хочет силой присоединить датское население Шлезвига к Северному Германскому Союзу. Согласны ли они отказаться от своих притязаний, во имя тех же коммерческих и морских интересов на город Триест гораздо более славянский, нежели итальянский, и гораздо более итальянский, нежели немецкий. Одним словом, согласны ли они отречься от своей страны, как они этого требуют от других, от всякой политики и признать для себя, как для других все условия и все обязанности,

налагаемые свободой и справедливостью. Согласны ли они принять во всей ширине и во всех применениях следующие принципы – единственные, на которых может создаваться международный мир и справедливость:

1. Уничтожение того, что называется историческим правом и политической необходимостью государства, во имя каждого населения большого и малого, слабого и сильного, также как каждой отдельной личности, располагать собой с полной свободой, независимо от потребности и притязаний государства, и ограничивая эту свободу, только *равным* правом других.
2. Уничтожение всяких вечных контрактов между личностями и коллективными единицами – ассоциациями, областями, нациями – иными словами, признание за каждым, если он даже свободно связал себя с другим лицом, права уничтожить контракт, исполнив все временные и ограниченные условия, которые он содержит. Право это основывается на принципе, составляющем необходимое условие действительной свободы – что **прошлое не должно связывать настоящее, а настоящее не может связывать будущее**, и что неограниченное право принадлежит живущим поколениям.
3. Признание для личностей, так же, как и для ассоциаций, общин, провинций и наций права свободного выхода из союзов с единственным непременным условием, чтобы выходящая часть не поставила в опасность свободу и независимость целого, от которого отходит, своим союзом с иностранной и враждебной державой.

Вот истинные, единственные условия свободы и справедливости. Согласны ли они, наши немецкие друзья, признать их также искренно, как признаём их мы? Одним словом, хотят ли они вместе с нами уничтожения государства – всех государств?

Господа, в этом заключается весь вопрос. **Государство – это насилие, притеснение, эксплуатация, несправедливость, возведённые в систему и сделавшиеся краеугольным камнем существования всякого общества.** Государство никогда не имело и не может иметь нравственности. **Его нравственность и его единственная справедливость есть высший интерес его самосохранения и всемогущества** – интерес, перед которым должно преклоняться всё человечество. **Государство есть полное отрицание человечества, отрицание двойное – и как противоположность человеческой свободе и справедливости, и как насильственное нарушение всеобщей солидарности человеческого рода.** Всемирное государство, которое столько раз пробовали создать, всегда оказывалось невозможным; следовательно, пока государство будет существовать, их будет несколько; а так как каждое из них ставит себе единственной целью, высшим законом поддерживать своё существование в ущерб всем другим, то понятно, что **само существование государство подразумевает уже вечную войну** – насильственное отрицание человечности. Всякое государство должно завоёвывать или быть завоёванным. Каждое государство основывает своё могущество на слабости, а если может без вреда для себя, и на уничтожение других держав.

С нашей стороны, господа, было бы страшным противоречием и смешной наивностью заявлять желание, как это было сделано на теперешнем Конгрессе, учредить

международную справедливость, свободу и вечный мир, а вместе с тем хотят сохранить государство. **Невозможно заставить государства изменить свою природу, ибо в силу именно этой природы они есть государства, и от отказываясь от неё, они перестают существовать.** Следовательно, нет и не может быть хорошего, справедливого и нравственного государства. Все государства дурны в том смысле, что они по природе своей, т.е. по условиям цели своего существования составляют диаметрально противоположность человеческой справедливости, свободе и нравственности.

И в этом отношении, чтобы не говорили, нет большой разницы между дикой всероссийской империей и самым цивилизованным государством Европы. И знаете ли вы в чём заключается это различие? Царская империя делает цинически то, что другие совершают под покровом лицемерия, и она составляет по своему открытому, деспотическому и презрительному отношению к человечеству, тайный идеал, к которому стремятся и которым восторгаются все государственные люди Европы. Все государства Европы делают то, что делает она настолько позволяет им это общественное мнение и, главное, новая, но уже могущественная солидарность рабочих масс, носящая в себе семя разрушения государств, добродетельным государст

вом может быть только государство бессильное, да и оно преступно в своих мыслях.

Итак, я прихожу к такому заключению:

Тот, кто желает вместе с нами учреждения свободы, справедливости и мира, кто хочет торжества человечества, кто хочет полного и совершенного освобождения народных масс, должен желать вместе с нами **разрушения всех государств и основания на их развалинах всемирной федерации производительных свободных ассоциаций всех стран.**

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 22 июня 2025 02:10:57

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 22 июня 2025 02:19:33